

The book cover features a man and a woman in a romantic pose. The man, with a beard and short dark hair, wears a dark grey cardigan over a white shirt. He is looking down at the woman with a serious expression. The woman has long, wavy blonde hair and blue eyes. She is wearing a white lace-trimmed spaghetti-strap top and is pulling it down to reveal her midriff. She is looking directly at the viewer with a slight, enigmatic smile. The background is a dark, arched interior with red light filtering through, creating a dramatic and sensual atmosphere.

Зажига
ВИТИНА

Раздевайся,
МЫШКА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Элина Витина

Раздевайся, мышка

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

– Раздевайся, мышка, – командует мне босс, а я испуганно пячусь назад. Уверена, мне послышалось, но ноги на всякий случай несут меня подальше от этого зверюги.

– Зачем? – голос, как и все телов принципе, дрожит от одной мысли, что он не шутит.

– Фильм для взрослых будем снимать, – хохочет он, но видя мою реакцию добавляет: – Ну чего ты трясёшься? Сама же сказала, модель сломала ногу. Значит тебе придётся ее заменить в рекламе нижнего белья. Снимай давай свои рейтузы по-хорошему, а не то мне придётся их с тебя сорвать насильно.

Сначала босс заставил меня раздеться. Перед камерой!!!

А потом предложил стать его фиктивной невестой, чтобы спасти фирму. Любая здравомыслящая барышня на моем месте бы точно отказалась, но что, если у меня нет выбора? Допустим, фирму мы сохраним, а вот что насчет моего сердца?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 2 Алексей	13
Глава 3 Алексей	18
Глава 4 Марьяна	23
Глава 5 Алексей	28
Глава 6 Марьяна	33
Глава 7 Алексей	39
Глава 8 Марьяна	44
Глава 9 Марьяна	48
Глава 10 Алексей	53
Глава 11 Марьяна	58
Глава 12 Алексей	72
Глава 13 Марьяна	78
Глава 14 Марьяна	84
Глава 15 Алексей	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Элина Витина

Раздевайся, мышка

– Вот эта вроде ниче такая, – мой временный босс похотливо кивает на фото девушки в совсем нескромном купальнике и разве что не облизывается.

– Мы уже давно согласовали модель для этой съемки, – осторожно отвечаю и упрямо поправляю сползающие на носочки. Свои обычные я снова забыла дома, а эти пришлось купить в переходе по дороге на работу. Даже размер выбрать времени не было, схватила те, в которых линзы были побольше да потолще, а теперь мучаюсь.

– Ваша модель – вобла сушеная, – огрызается он, продолжая листать каталог с портфолио. – Ей впору санаторий для дистрофиков рекламировать, а не нижнее белье. Она там тебе откат, случайно, не дала, чтобы в проект попасть?

Мысленно я считаю до десяти, но спорить, конечно, не решаюсь. Во-первых, я всего лишь стажер, хоть и практически в одиночку организовала контракт с престижной маркой французского нижнего белья, а во-вторых... дура я, что ли, спорить с этим громилой?

Понятно, что в маркетинге этот неандерталец не разбирается, но вот по части принудительного убеждения ему нет равных. Поговаривают, он свое состояние сколотил на конторах быстрых займов, у него их больше сотни по всей об-

ласти.

Это ж в каком отчаянии надо быть, чтобы одолжить деньги у этого бандюгана? Хотя, держу пари, в офисе у него сидят миловидные барышни, а вот когда дело доходит до взыскания долгов, тогда на сцену и выходит Алексей Кулаков собственной персоной. Глядя на него, люди готовы не только все задолженности вернуть, но и расстаться с честно нажитым.

Он просто огромный, под два метра ростом, с широчеными плечами и раскачанной до невозможности грудной клеткой. Неудивительно, что он стойко игнорирует офисный дресс-код и третий день подряд приходит в джинсах и простой черной футболке – попробуй найди костюм его размера.

Как такое чудовище могло родиться у интеллигентного Игната Юрьевича? Может, он приемный? А что, босс человек добрый, мог и приютить сиротинушку. Хотя, даже несмотря на то, что с фантазией у меня порядок, глядя на этого здоровяка, просто не могу представить его себе младенцем. Кажется, он уже родился таким: огромным, грозным, суровым. Махина, а не человек. Вот и сейчас, с трудом оторвав глаза от сексапильных глянцевого красоток, переводит взгляд на меня и тут же хмурится.

Темные глаза недовольно скользят по моему платью оверсайз унылого коричневого цвета, а скулы, покрытые густой щетиной, как бы сами собой напрягаются с укором.

У меня же сердце колотится в груди, а низ живота тянет,

словно перед экзаменом.

В глаза ему смотреть не решаюсь, поэтому опускаю взгляд ниже и делаю вид, что пытаюсь рассмотреть устрашающие узоры на его руках. В какой-то момент настолько увлекаюсь, что подушечки пальцев начинает жечь от желания потрогать татуировки. Сверху на предплечье у него какой-то жуткий череп, а вот ближе к запястью – изящные тонкие линии, разглядеть которые на расстоянии я не могу.

Закончив придирчивый осмотр моей внешности, босс с надрывом вздыхает и снова возвращает свой взор на красоток. Да-да, я в курсе, что на фоне профессиональных моделей выгляжу как натуральная бледная моль, но уж лучше так, чем испытать на себе его похотливый взгляд. Второй раз я не позволю своей внешности встать на пути карьеры. Так что пусть помучается, ему полезно. Может, даже начнет активнее отцу в больницу апельсины таскать, чтобы тот поскорее поправился и вернулся на рабочее место.

Ох, точно, надо бы снарядить Софочку с корзинкой фруктов боссу от всего коллектива. Уверена, не я одна жду его возвращения как самого большого праздника. Потому что терпеть вот этого грубого мужлана в хозяйском кресле с каждым днем становится все сложнее.

Ладно, в первый день он просто просидел за компьютером, раскладывая пасьянсы и гоняя секретаршу за кофе, но сегодня он вздумал лезть в проект, согласованный месяц

назад! Да он хоть знает, скольких трудов мне стоило уговорить Жоржа Бланко, самого именитого фотографа коммерческой съемки, впихнуть наш проект в свой плотный график? А визажиста? Да у них запись на пять лет вперед!

И теперь он пытается мне доказывать, что вот эта сисястая нимфа будет лучше смотреться в французском кружеве? Да ей только в фильмах для взрослых сниматься с такими данными!

– Вот эту я где-то видел, – выдает он, перелистывая страницу. – Лицо знакомое.

Смотрит он при этом почему-то не на портретное фото, а на то, где отчетливо видно бюст пятого размера. Ну-ну, что и требовалось доказать... Он бы еще попросил меня срочно выйти, чтобы остаться наедине с этим каталогом. Извращуга!

– Она у нас в рекламе молокоотсосов снималась, – комментирую холодно. – Изображала кормящую мать.

– Молоко...чего? – он едва ли не отбрасывает каталог в сторону. – Это те, что... эээ, ладно. Та твоя брюнеточка тоже норм, пойдет. Когда там съемка, ты говоришь?

– Сегодня вечером. Все уже готово. Товар доставят к семи, визажист и модель подойдут чуть раньше. Жорж сказал, что у него всего два часа свободного времени, но мы уложимся. Ребята должны были подготовить студию, я сейчас от вас прямиком туда направляюсь и обязательно еще раз все проверю.

– Вы б еще ночью снимали, – ворчит он. – Мало вам рабочего времени, что ли? Мы там, че, порнушку снимаем или трусишки бабьи?

– У фотографа крайне загруженный график, нам очень повезло, что он согласился взять наш проект.

– Да за такие бабки, что ему платят, он тут три дня должен по офису ползать и снимать нас со всех ракурсов! В белье и без! Если бы не отцовская подпись на смете, ни в жизнь бы не поверил, что какой-то додик с камерой наперевес может получать столько! Батя на старости, видать, мозгами уже двинулся, раз подписал это.

– Ваш отец – профессионал своего дела, – шиплю я, отчаянно боясь повысить голос. Внутри все кипит, но чувство самосохранения не позволяет высказать все, что я о нем думаю. – Расходы на фотографа, съемку и все остальное покрывает заказчик. Им нужны профессиональные продающие фото. И мы им их обеспечим. И без ваших ценных замечаний.

Последнюю фразу я, разумеется, вслух не произношу. Жить еще очень хочется. Да и работать в этой компании. Поэтому я снова мысленно считаю до десяти и выдавливаю из себя улыбку.

Правда, босс от нее сразу морщится, будто я ему зарядила лимоном прямо в лицо и рассматривает меня подозрительно. Что он там высмотреть пытается? В рекламе молокоотсосов я не снималась, впрочем, как и в порно. А значит, пе-

ресекаться нам было негде. Но, тем не менее, он продолжает смирать меня противным снисходительным взглядом, от которого подкашиваются коленки, а все тело бросает в жар и, наконец, заявляет:

– Ладно, иди уже, работай. Встретимся в студии.

Ноги уже несут меня к спасительному выходу, но мозг, как всегда, за ними не поспевает, поэтому, уже схватившись за ручку дубовой двери, я пишу:

– Что значит в студии?

– То и значит. Приду посмотреть, как вы там эти продающие фото создаете.

При этом на его лице играет такая мечтательная улыбка, что сразу ясно – интересуют его не столько фото, сколько процесс их создания, а именно – красивая девушка в сексуальном нижнем белье.

– Мы обычно ограничиваем круг присутствующих на такие съемки. Зачем смущать модель лишний раз?

– Твоя модель своими прелестями на всю страну светить собралась, – резонно напоминает он. – Так что плюс-минус один человек на съемках ей вряд ли помешает. А вообще, раз такая стеснительная, то пусть на завод идет, а не задом перед камерой крутит!

– Она... она, – я несколько раз открываю рот, но так и не решаюсь ничего сказать.

– Иди уже, иди, – подгоняет он меня, словно ту самую мошь, позарившуюся на его дорогущую шубу. – У тебя че-

тыре часа рабочего времени впереди, поищи еще какого-нибудь суперфотографа с гонораром как у Киркорова. У нас же, казенных денег мало? Вот погодите, я скоро разберусь в этих ваших хитроумных отчетах, вы у меня на дошике сидеть будете всем своим дружным коллективом!

Он продолжает трясти своим мощным кулаком из-за стола, и я, не дожидаясь продолжения угроз, молнией выскакиваю за дверь.

– Ну как, Марьяш? – полушепотом спрашивает у меня секретарша Сонечка. – Впечатлил?

Она уже третий день ходит под впечатлением от нового босса. Временного, к счастью. Игнат Юрьевич на прошлой неделе загремел в больницу в предынфарктном состоянии. Прямо на рабочем месте случился удар. Если бы не Софья, неизвестно, чем бы это закончилось. Она мало того, что вызвала «скорую», так еще и оказывала ему первую помощь до их приезда.

Мы были уверены, что босс, как и всегда, будет курировать работу фирмы из больницы. Трудоголик до мозга костей, он даже на отдыхе всегда умудрялся держать все под контролем. Но три дня назад в кресле начальства мы внезапно обнаружили его сына.

Признаться честно, сначала мы подумали, что это натуральный рейдерский захват. Настолько устрашающим Кулаков-младший выглядел. Но потом кто-то из бухгалтерии

узнал в здоровяке родного сына нашего начальства, и пришлось смириться с тем фактом, что на ближайшее время у нас новый босс.

– Мужлан неотесанный! Деревенщина! – выдаю я на нервах. Сейчас, когда свирепый взгляд этого зверюги не пытается меня испепелить, из моего рта сыплется все то, что я боялась сказать в кабинете. – Пусть дальше идет носы должникам ломать, а мы и без него справимся! Модель ему не глянулась, представляешь! Воблой ее назвал! А еще сказал, что мы много тратим! Видите ли, гонорар Бланко ему не понравился. Да что он в этом понимает? Чурбан!

Сонечка бешено вращает глазами и несколько раз открывает и закрывает рот – прям как я пару минут назад в кабинете босса. Неужели успела так проникнуться к Алексею Игнатьевичу, что сейчас расцарапает мне лицо в попытке его защитить?

Правда, когда я, наконец, замечая, что смотрит она не прямо на меня, а слегка влево, аккуратно туда, где находится дверь, из которой я только что выбежала, у меня начинают закрадываться первые подозрения.

Я медленно, словно в замедленной съемке, оборачиваюсь и натыкаюсь на пылающий гневом взгляд здоровяка. Его грудная клетка хаотично вздымается, будто он вознамерился занять своим телом все пространство приемной. А вот мне, наоборот, хочется сжаться до минимальных размеров и заползти в какую-нибудь щель.

– Сонечка, сделайте мне, пожалуйста, кофе, – бархатыстым баритоном просит он и затем, обратив на меня свой взор, уже совсем другим голосом спрашивает:

– Ты еще здесь?

Глава 2 Алексей

– Все под контролем, – заверяю отца по телефону. – Все работают, никто не филонит, не переживай.

– Я скорее за них переживаю, чем за проекты, – смеется отец. – Ты там давай с ними полегче. Марьяночку мою не обижай.

Да ее уже и так природа обидела, куда мне еще? Добивать не в моих правилах. Хотя, признаюсь, после ее пламенной речи очень хотелось нагнуть ее прямо там в приемной и отходить ремнем. Нашла, блин, деревенщину в «Армани». Сама напялила на себя мешок из-под картохи и ходит довольная. Ей на вид не больше двадцати пяти, а одевается как старая бабка.

Хотя пусть лучше так. Не уверен, что готов лицезреть ее прелести в обтягивающем мини. Нормальное тело она бы не стала скрывать под этой плащ-палаткой цвета детской неожиданности, так что там стопудово засилье целлюлита и тотальное отсутствие талии.

– Я ей сегодня со съемкой для «Адаманта» помогу. Проконтролирую, чтобы все прошло хорошо.

– Отлично, сын, спасибо, – тепло благодарит отец. – Я знал, что могу на тебя положиться.

Он кладет трубку, а я еще какое-то время размышляю

над разговором. Как-то слишком сентиментально он звучал. Будто я не на пару дней согласился подменить его в этой модной рекламной корпорации – его главным детище, а как минимум спас от верной гибели. Он же не собирается надолго задерживаться на больничной койке? Врачи бы мне сказали, если бы его здоровью что-то угрожало. Докторица готова была мне ключ от сейфа вручить, лишь бы номер ее записал. Думаю, такую информацию, как печальные прогнозы отца, она бы не утаила. А они меня хором заверяли, что батя отделался легким испугом и уверенно идет на поправку. Да и держат его там до сих пор чисто для перестраховки, а то бы уже давно сидел в своем законном кресле.

Не удивлюсь, если это маменька приплатила кому надо, чтобы его там чуток подзадержали. Она давно уговаривает отца продать фирму и отправиться на заслуженный отдых, но он слишком любит свое детище, чтобы вот так просто все бросить.

– Алексей Игнатьевич, – после робкого стука в дверь просовывается не менее робкая голова секретарши. – Вы еще долго? Уже шесть, я могу идти?

– Кофе мне сделайте перед уходом, будьте добры, и вы свободны. У меня вечером еще съемка для «Адаманта», так что я задержусь.

Секретарша смешно пучит глаза и молча исчезает за дверью. Где отец только набрал этих малохольных? Ладно бабы,

они всегда себя странно ведут в моем присутствии. Но тут же и мужики все как на подбор тщедушные додики с зализанными волосами и маникюром. Звездец какой-то. Если меня мои увидят в этой компашке, засмеют.

Надо им, кстати, позвонить, узнать, как там с Казинским обстоят дела. Этот хрен, кажется, так и не собирается бабки отдавать. Придется лично напомнить ему старое доброе «долг платежом красен».

Следующий час я провожу за монитором. Отцовские дела – это, конечно, хорошо, но мои личные тоже никто не отменял. Завтра собрание акционеров, на котором мы, наконец, увидим реальные цифры по «Сириусу» – компании, в которую я за последний год влили туеву хучу бабла. И лучше бы, чтобы этот отчет меня порадовал.

Ближе к семи в коридоре начинается какое-то шевеление, и я, выключив компьютер, выхожу из кабинета. Жаль, Софья уже свалила, кофе она варит бесподобный. Мои девки так не умеют. Хотя, может, на зернах экономят? Я в эти дела не лезу, а там, кто его знает, может, они мне туфту растворимую подсовывают из пакетиков.

– Чао, дорогуша, – какой-то щуплый парень со смешными усиками прикладывается выпученными губами к щеке зардевшейся Марьяны. Лишь бы в обморок не хлопнулась,

бедная деваха. Держу пари, этот поцелуй – самый близкий ее контакт с противоположным полом. Кто ж еще на такую серую мышь позарится?

– Чао, босс, – кивает он мне, но, к счастью, видя мой красноречивый взгляд, тормозит за пару метров. – Жорж Бланко, фотограф.

Я кратко киваю и закатываю глаза, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться ему прямо в лицо. Кому ты чешешь, Жорж Бланко? Даже если бы я не видел смету из бухгалтерии, в которой черным по белому написано, что ты Георгий, то бишь, Жора Белов, все равно бы не поверил, что ты итальяшка. Неужто девки на это ведутся?

Тут же перевожу взгляд на помощницу и вижу, что она смешно обмахивает лицо ладонями. Не знаю, как насчет всех девиц, но эта явно под впечатлением.

– Ну же? – нетерпеливо спрашивает он. – Где наша муза?

– Давайте пройдем в студию, – робко предлагает Марьяна. – Муза немного задерживается, но, уверена, что с минуты на минуту появится.

– В пробку, наверное, попала, – вздыхает Жорик. – Там сейчас весь проспект стоит. Какая-то дура неслась через четыре полосы прямо на красный. Спешила, видать. На тот свет.

Он гнусно хихикает, но, видя взгляд Марьяны, поспешно добавляет:

– Да жива она. Чуть-чуть стукнули, но пробка получилась будь здоров. Аккурат посреди дороги ее сбили, ни туда, ни сюда.

Девушка ведет нас в конец коридора, где и располагается просторная студия. Там уже ждет симпатичная рыжуха с целым возом каких-то чемоданчиков, из которых торчат разнообразные баночки и тюбики. Таковую бы я и сам пофоткал. Можно даже без камеры, главное, чтобы шмотки все сняла побыстрее. Судя по ее томному взгляду, мне без проблем удастся уговорить ее на сверхурочные.

Наши многозначительные «переглядки» прерывает звонкая трель телефона. Марьяна и сама подскакивает от неожиданности, будто это не ее карман разрывается на всю студию заунывной попсовой мелодией, и отвечает на звонок.

Мы с рыжей милфой, которая представляется Дашулей, уже успеваем забыть о ее существовании, когда она дрожащим голосом сообщает:

– Жорж, помните, вы говорили о девушке, которая перебегала дорогу на красный? Это была Кристина, наша модель. И она, кажется, сломала ногу.

Глава 3 Алексей

Если у кого-то из присутствующих и были сомнения по поводу итальянского происхождения нашего фотографа, то после той матерной тирады, которую он выдал на исконно-русском, они полностью пропали. Я его даже слегка уважал, если честно.

У меня в окружении все, как один, здоровые brutальные мужики со зверскими мордами, а вот так виртуозно завернуть не каждый из них сможет.

– У вас есть два часа для того, чтобы найти новую модель, – обреченно заявляет Белов. – Даже нет, полтора часа на поиски и хотя бы полчаса на съемку.

– Мы обязательно найдем кого-нибудь в ближайшее время, – заверяет его Марьяна. Выглядит при этом настолько потерянной, что мне даже хочется ее утешить. На расстоянии, разумеется. Словом там или жестом каким... Приблизиться к ней у меня все также нет ни малейшего желания.

Под нашими пристальными взглядами она делает несколько попыток кому-то позвонить, но несмотря на то, что я во всем этом модельном бизнесе не шарю от слова совсем, понимаю, что в семь часов вечера пятницы она вряд ли найдет толпу желающих сняться для рекламы брендового белья. Ну ладно, желающих, допустим, найти еще можно, а вот

тех, кто успеет собраться и приехать сюда в течение такого короткого времени – вряд ли.

– Придется перенести съемку, – траурным голосом заявляет она через десять минут. – Любое удобное для вас время, Жорж. Хотя ночью...

– Милочка, ночью у меня есть другие, более важные дела, – при этом этот павлин почему-то подмигивает мне и добавляет: – Хотя, возможно, мы сможем договориться на двойной тариф.

– Мы вам уже заплатили, – вспоминаю злосчастную платежку из бухгалтерии.

– За сегодняшний вечер. С семи до девяти я весь ваш, – его губы расплываются в такой противной улыбке, что я неосознанно делаю пару шагов назад. Едва сдерживаюсь, чтобы пальцы крестом не сложить и не погнать его отсюда со словами «сгинь, чур меня». Останавливает лишь кругленькая сумма из сметы. Этот гад просто обязан ее отработать.

Может, Лиле позвонить? Не знаю, как насчет съемок, но ко мне на хату она всегда собирается с космической скоростью. Да и в нижнем белье она будет, наверняка, смотреться получше той воблы сушенной. Я, признаться, не могу вспомнить, когда оно на ней оставалось дольше трех секунд, но если без кружевных стрингов она просто богиня, то и в них будет не хуже.

Где-то на восьмом гудке я вспоминаю, что Лиля сегодня

днем мне названивала раз пять, а я нагло сбрасывал ее звонки, так как знал, что вечером буду занят чертовыми съемками бабьих трусов. Как же невовремя она решила включить гордость!

В голове стоп-кадром фигачат самые развратные картинки. Это я пытаюсь вспомнить, кому еще можно позвонить, но мозг упорно подсовывает фрагменты откровенной обнаженки без привязки к именам. Впрочем, надо смотреть на вещи реально – никто не успеет примчаться сюда за это время. А значит...

– Придется Марьяшу фоткать, – прерывает мои мысли вижажист и едва не падает от взрывной волны возмущения, которая исходит от нас троих.

– Почему не тебя? – скептически интересуюсь. Дашуля, конечно, тоже не сравнится с профмоделями, но там хоть какие-то очертания фигуры виднеются из-под джинсов в облипон и короткого топа.

– Потому что вот это, – она по-хозяйски сминает свою грудь, – выкормило троих детей.

– Понял, не вопрос, – поднимаю руки вверх в знак примирения и еще раз окидываю Марьяну придирчивым взглядом.

Марьяна. Даже имя у нее какое-то бабушкино. Уверен, успеха было бы больше, если б мы в это белье Веру Павловну из бухгалтерии нарядили. В ней хоть и центнер весу, за-

то формы есть хоть какие-то. Марьяна же ходит в объемных балахонах, значит, есть что скрывать. Господи, да даже если на меня этот кружевной комплект натянуть и то сексуальнее получится.

– А что...? – задумчиво протягивает фотограф. – Почему бы и нет? У нее яркая скандинавская внешность.

Скандинавская внешность? Да она же самая натуральная мышь! Причем даже не полевая, а лабораторная – белая-белая. Лицо такое бледное, что непонятно, она уже окочурилась или вот-вот... Еще и этот неизменный пучок на голове! Волосы стянуты настолько туго, что на лице ни одной морщинки или складочки не видно. И глаза на пол лица. Так-то они, может, и красивые, ярко-голубые. Но из-за очков они кажутся неестественно огромными, как у героев аниме.

– Я же говорю, – продолжает Даша. – У меня глаз-алмаз. Отличные данные, тут даже и стараться особо не придется.

Конечно, не придется. А смысл стараться, если итог все равно будет один... ну какая из этой мышки модель? Ее даже если всю в этих баночках с косметикой искупать, все равно ничего приличного не получится. Хотя... всегда есть фотошоп. Мой товарищ Митяй даже папочку себе отдельную в телефоне завел – фото девиц из тиндера и в реальной жизни. Вот уж кто любитель экстрима и таскается на свиданки практически вслепую. Если эти львицы смогли

приукрасить себя в программке, то уж Жора Белов и подавно сможет. Ну или найдем другого умельца, ретушь в любом случае будет дешевле, чем бронировать этого Мистера Популярность еще раз.

Ладно уж, хуже точно не будет.

– Раздевайся, мышка, – команду я обреченно. Марьяна же вместо того, чтобы радостно сорвать с себя одежду, как все женщины, которые слышали от меня эти слова, почему-то пятится назад.

Глава 4 Марьяна

– Раздевайся, мышка, – командует мне босс, а я испуганно пячусь назад. Уверена, мне послышалось, но ноги на всякий случай несут меня подальше от этого зверюги.

– З-зачем? – голос, как и все тело в принципе, дрожит от одной мысли, что он не шутит. Визажист же это несерьезно, да? Захотела разрядить обстановку, снять общее напряжение там...

– Фильм для взрослых будем снимать, – хохочет он, но, видя мою реакцию, добавляет: – Ну чего ты трясешься? Сама же сказала, модель сломала ногу. Значит, тебе придется ее заменить. Снимай давай свои рейтузы по-хорошему, а не то мне придется их с тебя сорвать насильно.

В течение долгих секунд я перевожу взгляд с лиц присутствующих, ожидая, что кто-то из них не выдержит и громко рассмеется, заявив, что это всего лишь шутка. Ну какая из меня модель? Но, судя по всему, на мой маскарад в виде безразмерного платья, очков и унылого пучка, купился только новый босс. Даша права, данные у меня отличные, но это совсем не значит, что я готова их демонстрировать. Тем более перед камерой. Тем более перед этим мужланом.

Где-то глубоко внутри я понимаю, что немного неправильно расставила приоритеты. По идее, наличие камеры

должно пугать меня больше, чем Алексей. Но тем не менее, приходится признать, что его я боюсь сильнее.

Есть в нем что-то такое... настораживающее. Хотя пока он, наоборот, всем своим видом показывает, что я его не интересую как девушка. Это меня более, чем устраивает, и у меня нет ни малейшего желания что-то менять.

– Нет, – заявляю с неизвестно откуда взявшейся уверенностью. Впрочем, на босса это все равно не имеет никакого эффекта. Он продолжает надвигаться на меня, и вскоре я уже вжимаюсь в стену и понимаю, что бежать дальше некуда. Из студии ведет лишь одна дверь и она находится за спиной Кулакова.

– У тебя нет выбора, мышка, – нагло заявляет он.

– Вы меня не заставите! – пишу я и, наверняка, от этого еще больше напоминаю мышь. Но поделаться с собой ничего не могу. Вся моя уверенность закончилась на предыдущем «нет».

– И как же ты будешь спать по ночам, если по твоей вине у компании будут огромные проблемы? – шипит он, нависая надо мной. – Здесь все и так на ладан дышит. Один провальный контракт, и фирма закроется к черту.

– Что значит закроется? – удивляюсь я. – Из-за одной сорвавшейся съемки?

– Ты договор читала?

– Какой?

– Какой-какой?? – раздражается он. – С «Адамантом»! Там черным по белому написано, что мы обязаны обеспечить им съемку товара в срок, иначе заплатим огромную неустойку. Я уже молчу о том, как это скажется на нашей репутации.

– Мы все обеспечим, – заверяю его. – Время еще есть.

– Ты слышала Жорика – у него плотный график.

– Ну тогда найдем другого фотографа, – предлагаю я, все еще заикаясь. – Бланко, конечно, лучший, но есть и другие варианты.

– Да я не сомневаюсь, что я и сам на айфон неплохо пофоткаю, – закатывает он глаза, – но в договоре указано его имя. Заменим фотографа, и «Адамант» нас нагнет на неустойку.

– Но...

– Нет, – опережает он меня. – Имя модели там не значит-ся. Иначе я бы не пытался заранее заменить ее на кого-то другого.

Приходится признать, что мне нечем крыть. Несмотря на то, что этот контракт я организовала практически в одиночку, договор я не читала. Для этого у нас есть юрист. Да и сам Игнат Юрьевич разбирается в таких нюансах гораздо лучше меня. Моей задачей было подготовить крутое предложение для представителей «Адаманта», а также найти фотографа, модель и визажиста, что уже само по себе выходит

за рамки обязанностей стажера, но я справилась. По крайней мере, еще час назад я так считала.

И несмотря на то, что моей вины здесь нет, чувствую себя паршиво. Я, хоть и удивлена, что этот зверюга так хорошо разбирается в тонкостях договора, но понимаю, что врать ему смысла нет. Судя по тому, как он на меня смотрит – увидеть меня в нижнем белье – меньшее, чего он хочет в данный момент.

И в этом мы с ним солидарны.

О том, что у фирмы уже давно проблемы, я в курсе. Все из-за чертова «Роялти» – крупного рекламного агентства, которое успело удачно поглотить с десятков конкурентов. Кому-то повезло больше, и они просто выкупили их активы, а кому-то меньше, и они планомерно переманили к себе всех клиентов, и «мелкие рыбешки» остались совсем без корма, вследствие чего вынуждены были закрыться.

Насколько я знаю, они неоднократно пытались выкупить бизнес у Игната Юрьевича, но он слишком дорожил фирмой, несмотря на то, что выгодных контрактов с каждым разом становилось меньше и меньше. Очень хочется надеяться, что Кулаков-младший преувеличивает, и один сорванный контракт не станет последней каплей для компании. Но что, если он прав? Что, если к тому моменту, когда его отец выйдет из больницы и будет готов вернуться к управлению, управлять будет уже нечем?

Я окидываю растерянным взглядом студию и, несмотря на толстые стены, отчетливо вижу за ними весь офис. Все кабинеты, высокий стол Софочки в приемной, уютную кухню и огромную гардеробную с кучей реквизита для съемок. Я не могу допустить, чтобы Игнат Юрьевич это все потерял. «Роялти» не упустит шанса добить нас, в этом я уверена. Полгода назад я именно там начала проходить свою стажировку для преддипломной практики, но, когда я бежала оттуда, сверкая пятками, Кулаков принял меня к себе. И поэтому меньшее, что я могу сделать – это помочь сохранить фирму.

Уверена, Даша загримирует меня так, что никто и не узнает. За Бланко можно не переживать, я ему что в белье, что без не особо интересна. А вот Алексей... но он же здесь временно, верно? Через пару дней босс окончательно придет в себя, выйдет из больницы и вернется в строй, а его сына я больше никогда в жизни не увижу.

Глава 5 Алексей

В моей работе убедительность – одно из важнейших качеств, поэтому в том, что я дожму мышку, даже не сомневаюсь. Сомневаюсь лишь в успехе самой операции. А будет ли толк? Фотошоп, макияж... тут надо еще уметь позировать, а она такая зажатая, словно перенесла три инсульта и два паралича.

Но выбора у нас, как говорится, нет. Сам же сейчас задвинул неплохую речь про патовость ситуации. И ведь не соврал. Отец со мной проблемами никогда не делился, максимум, мог посетовать, что «Роялти» снова налегает и пытается уболтать его продать фирму. Но все документы, которые я успел изучить за эти дни, свидетельствуют об одном – контора дышит на ладан.

Мышка смотрит на дверь за моей спиной, и во взгляде ее читается такая мечтательность, будто она обладает рентгеновским зрением и видит весь офис за ней. Ну-ну, прям Кларк Кент, не иначе. Или как там Супермена звали? Тот тоже был простым офисным работником, а в свободное время спасал жизни и боролся со злом.

Нет, боюсь, тут немного более запущенный случай. С нее даже если очки снять – в супервумен она не превратится. Но попробовать, конечно, стоит.

Марьяна беззвучно шевелит губами, словно ведет какой-то мысленный диалог сама с собой, обреченно кивает и, опустив голову, шагает к Даше. Жанна Д'арк, блин.

Пока там за ширмочкой происходит магия, я достаю телефон с намерением погуглить, как вообще обычно происходят съемки нижнего белья. Но наткнувшись на пару фото моделей плюс-сайз, едва не роняю телефон. А ведь, скорее всего, именно это меня и ждет.

Свалить, что ли, пока не поздно?

С тоской поглядываю на дверь и она вдруг призывно открывается. И нет, это не плод моего воображения. Она не только открывается, но в нее еще и просовывается голова парня с пирсингом в брови и на губе:

– О, вы еще не начали? Супер! Сорри, что чуть опоздал, так пробка – жуть! Говорят, какая-то курица...

– Бежала через дорогу и сломала ногу. Мы в курсе, да... Это была наша модель.

– Ох ты ж, – парень морщится, будто это по нему только что прошлись капотом, и растерянно смотрит на два бумажных пакета в своих руках. – Это что теперь, не будет съемки?

– Будет, – уверенно заявляю я, догадавшись, что это тот самый курьер, который должен был приехать еще как минимум полчаса назад. Это нифига ж себе там пробка, что весь центр стоит. Пешком он, что ли, ковылял? – Давай сюда свой товар.

Паренек отдает мне пакеты, до отказа забитые каким-то полупрозрачным кружевом, но уходить не спешит.

– Мне потом все обратно надо отвезти, – поясняет он, видя мой взгляд.

Ну-ну, оставайся, мне не жалко. Только потом не жалуйся, когда модель нашу увидишь. Молодежь нынче впечатлительная, что ни потрясение, сразу к психологу бегут. А сегодня без потрясений точно не обойдется. Печенкой чую.

– Алексей, – представляюсь я.

– Дэнчик, – кивает парень и пожимает мне руку.

Судя по заинтересованному взгляду Жорика, мне можно расслабиться и перестать бояться повернуться к нему спиной. Бланко выбрал себе новую жертву. Даже жалко паренька стало, если честно.

Минут через десять возле зеркала намечается какое-то движение и, отправив мышку за ширму, Даша подходит к нам и забирает пакеты. Они с Беловым придирчиво рассматривают содержимое и, наконец, из общего вороха выуживают комплект шелковых шортиков и майки. Фух, ну это еще куда ни шло. Я боялся, что они начнут сразу с тяжелой артиллерии – кружева.

И только сейчас, глядя на ворох белья, до меня вдруг доходит одна вещь. Ведь это все, наверняка, было заказано заранее под параметры предыдущей модели. Курьер не знал, что у нас замена произошла, но Даша почему-то не печалит-

ся. Спокойно несет одежду мышке и не сокрушается, что все сейчас лопнет по швам. Это что же получается? Под своим балахоном Марьяна скрывает идеальное тело? Да быть того не может! Дурочка она, что ли?

Нормальная женщина бы не стала устраивать такой маскарад. Значит, у нее есть причины. И пусть дело не в целлюлите, что-то определенно не так. Может, грудь волосатая?

Следующие несколько минут я судорожно перечисляю в уме все возможные изъяны внешности. Готовлю себя морально, так сказать, чтобы потом не упасть в грязь лицом.

Но тем не менее, когда мышка красная, как рак, появляется из-за ширмы, все-таки падаю. К счастью, не весь и не в грязь, а лишь челюсть и на довольно чистый паркет. Мне кажется, я даже отчетливо слышу, с каким звоном она встречается с полом.

Хотя нет, звенит у меня в ушах, скорее, от того, с какой скоростью кровь начинает бурлить и стремительно стекает в пах. Я бы даже сказал, водопадом устремляется, смывая на своем пути все разумные мысли. Двести двадцать прямоком в грудину, под которой бушует сумасшедшее торнадо. Воздух из легких вырывается с такой скоростью, что, скорее, походит на свист. Хриплый и задушенный.

Мозг будто кипятком обдаёт, пока я ошарашенно веду

взглядом по длиннющим стройным ногам, зависая на офисном декольте и просто охреневаю от того, каким красивым кажется ее лицо без дурацких очков. Оказывается, большие голубые глаза, отнюдь, не оптическая иллюзия, созданная толстыми линзами. Они реально огромные. Яркие. Сейчас они подведены чем-то черным и кажутся еще более выразительными, но в данный момент я почему-то уже не думаю о дурацких японских аниме. Перед глазами отчетливо стоит образ мышки на коленях. Моя рука сжимает ее пышные, слегка волнистые волосы, и она преданно смотрит на меня снизу вверх, пока я интенсивно вколачиваюсь в нее.

Блядь.

Правда была моя печенка насчет потрясений. Только кто же знал, что они будут такими? Что мышка будет такой? И главный вопрос... как пережить этот вечер??

Глава 6 Марьяна

Надеюсь, у Жоржа есть стабилизатор на камере. Без него фото, наверняка, будут безбожно смазаны и там не то что белье, вообще мое присутствие в кадре никто не заметит. Меня настолько трясет, что уже голова начинает прилично кружиться, словно укачало в долгой дороге.

До боли закусываю нижнюю губу и тут же получаю нагоняй от Даши за урон помаде. Господи, как мне пережить этот вечер?

В студии настолько тихо, что на пару секунд я позволяю себе поверить, что Кулаков устал ждать финала шоу «топ-модель по-русски» и уехал по своим делам. Кровожадным, конечно. Какие еще у него могут быть дела?

Но, когда я все-таки поднимаю, значительно потяжелевшие от трех слоев туши, веки, вижу, что босс не только не исчез, но и нашел себе компанию. Рядом с ним стоит молодой парень с обилием пирсинга на физиономии. Поначалу я даже думаю, что они братья. Но вскоре понимаю, что схожесть вызвана скорее не чертами лица, а выражением. Они оба шокированы и... мужчины, одним словом. Что с них взять?

От их липких взглядом я ежусь и ещё больше закрываюсь в себе. За последние двадцать минут слова «главное,

расслабься» из уст Даши прозвучали как минимум раз сто, но сейчас я искренне жалею, что она не обладает даром гипноза. Боюсь, без этого все ее старания насмарку.

– Ну что, начнем? – нетерпеливо интересуется Бланко. Он, кажется, остался равнодушен к моему преображению. Напротив, выглядит сейчас даже раздраженным, будто недоволен тем, что какая-то офисная мышь перетянула все внимание на себя.

Тоже мне, нашел конкурентку! Если ему так хочется быть в центре внимания, сам бы и полезал в этот пижамный комплект. Можно подумать, это была моя инициатива. Да я бы лучше полы во всем офисе помыла. Вот этой самой пижамой...

Но, конечно, я не решаюсь произнести это вслух. Вместо этого послушно киваю и двигаюсь к дальней стене, на которой висит рулон с белым фоном.

Я честно стараюсь выполнять все указания фотографа, но вскоре даже Даша не выдерживает и, вместо очередного «расслабься, Марьяша», орет:

– Так, алкоголь здесь есть?

Несмотря на то, что голос ее, наверняка, слышно и в соседнем здании, ей приходится повторить дважды для того, чтобы Кулаков ее услышал. После этого он как-то отстраненно кивает и несется прочь из студии. Что-то мне подсказывает, что если он и найдет спиртное в кабинете своего отца,

то для начала сам приложится хорошенько, а уж мне принесет остатки.

Из алкоголя я пью только шампанское и бабулину настойку на смородине, но сейчас мысль о каком-нибудь дорогом пойле, которое, наверняка, отыщется в кабинете босса, почему-то не вызывает отвращения. Наверное, потому что я прекрасно понимаю – без дополнительного допинга я так и останусь бревном в кадре. С таким же успехом мы могли отснять все комплекты на манекенах.

Но, к сожалению, в тз, которое я лично согласовывала с заказчиком, черным по белому было написано, что фото должны быть живыми и продающими. Не надо быть гением маркетинга, чтобы догадаться, что то, что у нас получается сейчас, таковым не является.

Вскоре шеф появляется с бутылкой виски, и тут же удосуживается злобного взгляда Даши:

– А стакан где, умник? Хотя ладно, не надо. Все равно лучше через трубочку пить, чтобы помаду не размазать.

После этого она уверенным жестом достает из своей сумочки самую обычную соломинку в бумажной упаковке.

– И часто вы моделей на съемках спаиваете? – ухмыляется Кулаков.

– Спаиваем первый раз, – подмигивает она ему, – Но модели, как выяснилось, тоже люди. И иногда их мучает жаж-

да, а даже обычная вода может размазать макияж. Поэтому я всегда в кафе набираю побольше... реквизита.

– Ну-ну, – протягивает Алексей, но смотрит он при этом на меня. Его глаза скользят по прозрачному стеклу бутылки и застывают на моих губах, жадно втягивающих янтарный напиток через трубочку. Я громко сглатываю, чувствуя, как огненная жидкость прожигает слизистую. Знаю-знаю, выгляжу я довольно комично. В пижаме, с макияжем, посадываю выпивку через соломинку. Но что поделать? Добро пожаловать в мир высокой моды, товарищ Кулаков.

Несмотря на непрекращающееся жжение в горле, я продолжаю втягивать в себя напиток. По телу разливается приятное тепло, а руки как-то сами собой перестают дрожать. Я замороженно смотрю на свои пальцы, будто впервые вижу аккуратный французский маникюр и несколько раз провожу ими перед глазами. Плавно двигаю, будто в танце, и снова обхватываю горлышко.

– Та-ак... пожалуй, хватит, – Даша силой вырывает у меня бутылку из рук.

Внутри все протестует, но спорить нет ни малейшего желания. Мне не хочется огорчать ее, она так много для меня сделала. Такая добрая Даша.

Только увидев панику в ее глазах, я понимаю, что последнюю фразу произнесла вслух.

– Кажется, мы переборщили, – говорит она.

– Все в порядке, – заверяю я. – Ты была права. Я расслабилась.

– Я вижу, – неуверенно протягивает она и за руку ведет меня обратно к белоснежному фону.

На этот раз мне не составляет труда с легкостью выполнять команды Бланко. Пару раз он даже довольно причмокивает, глядя на получившиеся снимки, и затем командует:

– Все, этот комплект готов, давайте следующий.

Визажист снова уводит меня за ширму и несмотря на то, что на этот раз мне предстоит надеть на себя откровенное нижнее белье, я абсолютно не нервничаю.

Не нервничаю я и когда выхожу из-за ширмы. И даже тогда, когда Жорж командует мужчинам перетаскать к стене вычурный диванчик с обивкой изумрудного цвета.

Я сохраняю спокойствие и когда, сделав несколько снимков, Бланко недовольно морщится и говорит:

– У той модели кожа смуглее, комплект подбирали под нее. Марьяна слишком бледная, все сливается.

– Не вопрос, – приходит на помощь Даша. – Сейчас шиммер нанесем, будет Марьяша сиять как самая настоящая звезда.

Она уходит к своим чемоданчикам и возвращается с тюбиком золотистого цвета.

– И левый глаз ей надо поправить, – продолжает раздавать указания Жорж. – Видишь, тени немного смазались.

– Сейчас все сделаем, не переживай, – говорит она и бросает ему тубик с шиммером. – Намажь ее пока, только, смотри белье, не испачкай. А я займусь глазами.

– Он же жирный! Как я потом камеру буду держать? – возмущается фотограф и кивает на босса с курьером, о существовании которых я уже успела забыть. – Вон у нас сколько помощников, пусть делом займутся. Помогите, мальчики?

И вот тут я начинаю нервничать. Очень сильно.

Глава 7 Алексей

Слова Жорика не сразу оседают в моем сознании. Мне требуются долгие три секунды для того, чтобы мысленно провести красную стрелочку от тюбика с какой-то хренью до тела мышки. До охрененного тела мышки.

За это время Дэнчик успевает рвануть вперед, но я вовремя выставляю руку и хватаю его за капюшон безразмерной толстовки.

– Стоять, бояться, – командую так, что стекла во всем здании звенят.

– Так я это... помочь же хотел, – оправдывается он.

– Знаю я, что ты хотел, – сверлю его подозрительным взглядом. – Девок лапать во внеурочное время будешь. Ты здесь это... при исполнении. На работе, то есть. И вообще, ты руки помыл? Заразишь нам модель каким-нибудь псориазом после метро.

– Вообще-то я на машине приехал, – обиженно сопит он.

– Да без разницы, – вздыхаю я. Парень начинает конкретно меня раздражать. – Иди лучше кофе нам всем свари, что ли... Я ее сам этой штукой намажу в лучшем виде.

– Шиммером, – подсказывает этот недалекий.

– Шиммером-хуимером, – ворчу я. – Понапридумывают буржуйских названий.

– Вообще-то это от английского слова «мерцать», – зануд-

но поясняет Дэн.

Он, похоже, вообще бессмертным себя возомнил, этот пирсингованный.

– Раз ты такой умный, то и кофе сварить сможешь. Кнопочка «повер» это вкл по-нашему, да? Иди, давай уже, а то еще пару таких похотливых взглядов, и Марьяна прямиков в декрет отправится. Что я буду делать без помощницы?

– Я стажер, – пищит мышка.

– Да хоть уборщица, – отмахиваюсь. – Декрет трудовым договором не предусмотрен...

– Вообще-то..., – начинает она, но, наткнувшись на мой взгляд, тут же замолкает.

Я хватаю из рук Жорика злополучный тубик и даже кофту с себя стягиваю – так жарко мне вдруг становится.

– Чтобы рукава не испачкать, – поясняю на всякий случай. Я бы с удовольствием и футболку снял, но это потом... в более приватной обстановке.

– С ног начни, умник, – командует Даша, когда я прямиком тянусь к декольте мышки.

– Да не вопрос, – покладисто соглашаюсь. Ножки у нее тоже зачетные.

Выдавливаю на ладонь какую-то золотистую субстанцию и начинаю мягко втирать в ноги Марьяны. От того, как гладкая бархатистая кожа ощущается под моими шершавыми пальцами, за грудиной разрастается настоящая буря. В вис-

ках пульсирует до такой степени, что, кажется, голову сейчас натурально разорвет. И ладно бы только голову... К сожалению, в данный момент это не единственная часть моего тела, которая пульсирует. Напрягается. Каменеет.

– Не ерзай, – командует Даша, когда Марьяна пытается отползти от меня чуть выше по дивану, – сейчас весь крем на обивке останется.

Мышка громко сглатывает и замирает. Вообще не шевелится. Даже дышать, кажется, перестает, лишь следит своими огромными глазами за тем, как плавно моя рука двигается по ее ноге. Пальцы идут выше, ныряют на внутреннюю поверхность бедер, и долбанная визажист снова вмешивается:

– Ээ, мы глубокий массаж не заказывали. У нас еще четыре комплекта впереди, а времени в обрез. На живот совсем немного нанеси и хватит. Да аккуратно ты! Только белое не испачкай.

Хочется сползти что-то из разряда «только не на лицо», но сдерживаюсь из последних сил. Пора реабилитироваться перед мышкой, я и так успел нанести ей пару психологических травм своим поведением.

Продолжаю мягко массировать плоский живот и вроде как понимаю, что деликатные узоры, которые я старательно вывожу пальцами, мало похожат на втирание крема, но ничего не могу с собой поделать. Из легких при этом какой-то огонь выходит, еще чуть-чуть, и я натурально, как пес, язык

вытащу, чтобы отдышаться.

– Хватит, хватит, – ломает весь кайф визажист. – Давай, выходи из кадра.

Не могу поверить, что еще каких-то полчаса назад эта милфа мне понравилась. Сейчас, в сравнении с точеной мышкой, она кажется какой-то слишком пошлой – длиннющие накладные ресницы, когти, как у стервятника, и обтягивающие джинсы, которые не оставляют ни грамма для воображения.

Мышка же даже с макияжем выглядит такой невинной и естественной, что хочется схватить ее на руки и вынести, нахрен, из студии. Не хватало еще, чтобы всякие хмыри пялились на ее фотки в белье. А ведь они могут не только пялиться...

В ушах звенит и долбит кровью, когда в красках представляю все это. И видимо, чтобы окончательно добить меня, в студию возвращается Дэнчик. В его руках поднос с пятью чашками и несмотря на то, что он сходу предлагает кофе мне, смотрит он при этом на мышку. Хищно смотрит. Неправильно.

Не удивлюсь, если он после съемок пару комплектов для себя приныкает вместо того, чтобы отвезти обратно. Мелкий извращенец!

– Марьяна, будешь кофе? – услужливо предлагает он, разве что не ныряя в ее декольте.

– Нет, – отвечает она, не переставая при этом улыбаться на камеру. – Мне вечером кофе нельзя. Я от него слишком перевозбуждаюсь.

Мышка продолжает как ни в чем не бывало позировать, а мы с Дэнчиком переглядываемся, как тупые малолетки. Дескать, ты тоже это слышал, чувак?

И хотя мы оба понимаем, что Марьяна на самом деле имеет в виду, ее слова производят на нас неизгладимое впечатление. Из ее уст это слово звучит как-то по-особому. Не пошло. Не зазывно. Но, твою мать, чертовски многообещающе. Именно в этот момент я понимаю, что расшибусь в лепешку, но доведу ее до такого состояния. Правда, без кофе. Совсем без кофе.

Глава 8 Марьяна

Кажется, у меня аллергия на этот шиммер. Было уже такое как-то с кремом от солнца. У меня бледная кожа, и на пляже я всегда стараюсь нанести защиту жирным слоем. Впрочем, и после этого мне лучше оставаться в тени. Тогда я попробовала какой-то новый лосьон неизвестной марки и через полчаса покрылась мелкой красной сыпью. Кожу жгло жутко, и я после этого еще неделю не ходила на речку.

Сейчас же сыпь, если и есть, то золотистые блестки ее успешно маскируют, а вот кожу печет просто невероятно. Словно босс нанес не какую-то блестящую субстанцию, а самую настоящую кислоту. Кажется, если закрою глаза, то снова отчетливо почувствую, как его пальцы жалят мои ноги, касаются живота...

– Марьяша, не спим, – командует Бланко. – Чуть-чуть уже осталось, соберись.

Я выдваливаю из себя виноватую улыбку и широко раскрываю глаза, чтобы снова не дать Кулакову завладеть своим сознанием. Но как ни силюсь, не могу избавиться от ощущения, будто его руки до сих пор касаются меня.

Для него это, может, и обыденное дело – очередная рабочая задача. Вон как побежал к тубику, лишь бы побыстрее уже закончить с этим фарсом, в который мы превратили

важную съемку. А вот для меня... не то, чтобы меня никогда не трогали мужчины, но... врач же считается? Из-за небольшого сколиоза я раз в год прохожу курс массажа и прекрасно знаю, как мужские руки должны ощущаться на теле.

Но с Алексеем все было по-другому. Неправильно как-то. Может, он мне своими лапищами нерв какой-то защебил? Хотя, в таком случае, мне бы было больно, а мне... не то, чтобы прям приятно, нет, конечно. Просто необычно, что ли. Хотя, может, это алкоголь? Я до сих пор чувствую горький привкус во рту. А вот в ноздрях, наоборот, насыщенный аромат Кулакова – какой-то пряный коктейль из цитрусов, дорогих специй и горьких трав.

Сейчас он сидит в огромном кресле, которое, кстати, тоже является реквизитом, и думать забыл обо мне. Даже глаза прикрыл. В руках чашка кофе, а губы едва заметно шевелятся. Он там, что, разговаривает сам с собой? Даже зная, что рискую получить очередной нагоняй от Бланко и Даши, я пристально рассматриваю его рот. Мне кажется, или он просто считает? Наверняка, перечисляет в уме количество носов, которое еще предстоит сломать сегодня.

– Давай, Марьяша, последний комплект остался, – визажист старается звучать бодро, но все равно отчаянно зевает. Вообще-то, оплаченное время закончилось уже минут пятнадцать назад, но они с Жоржем любезно согласились немного задержаться. Даже курьер не стал роптать на задержку,

уселся в кресло и внимательно следит за процессом, будто ему реально интересно, как создаются продающие фото. Впрочем, возможно, он просто боится возразить моему боссу. Тот весь вечер на него брутально поглядывает, словно пытается показать, кто здесь главный. Будто и без этого непонятно кто здесь биг босс... Приберег бы лучше свои взгляды для должников, которых он так усердно подсчитывает в уме.

Я снова прохожу за ширму и аккуратно, стараясь не запачкать шиммером дорогой материал, стягиваю с себя белье и дрожащими руками беру очередной комплект. Я ведь знала, что меня ждет. Сама согласовывала все изделия. Но почему-то, когда речь шла о профессиональной съемке, последнее, о чем я думала – это то, как будет чувствовать себя модель, позируя в них перед посторонними.

Сейчас же я смотрю на бюстгальтер, представляющий из себя лишь кусок черного прозрачного кружева под самое горло и тонкую полоску плотного материала на уровне сосков. С трудом сдерживаюсь, чтобы не попросить вернуть мне бутылку с виски. Я даже название этого чуда помню. Холтер-бра. Как выяснилось, девушки часто носят такие с объемными свитерами, ворот которых спадает с плеч, и расстегнутыми на три пуговицы рубашками. И это очень красиво. Я пересмотрела кучу фото с модных показов, чтобы убедиться, что именно эту модель стоит выбрать для съемки. Даже пару раз смело представляла, как сама надеваю что-то подобное

под закрытое платье. И пусть никто вокруг бы не догадывался о том, что на мне надето, мне самой было бы приятно. А вот чего я не представляла, так это того, что мне придется показаться в таком перед посторонними. Я уже молчу о том, что рано или поздно эти фото появятся в многочисленных каталогах нижнего белья. Если, конечно, «Адамант» не забракует весь отснятый материал... Модель из меня, все-таки, так себе.

Правда, когда я робко выхожу из-за ширмы в этом безобразии, реакция Даши говорит об обратном. Даже Бланко, кажется, потерял дар речи и вместо привычных подробных команд, беззвучно открывает рот и лишь жестами указывает мне, куда встать и что сделать.

На других присутствующих я стараюсь не смотреть, но тем не менее, явственно ощущаю, как по телу пятнами расплзается жар, будто всех моих открытых и прикрытых частей тела по очереди касаются паяльной лампой. Когда я, наконец, решаюсь бросить на них робкий взгляд из-под прикрытых ресниц, вижу, что босс, наконец, считать перестал. Даже с кресла вскочил и встал в стойку, натурально как охотничья собака. И смотрит он на меня при этом, как на одного из своих должников. Хищно. Многообещающе. Страшно.

Глава 9 Марьяна

Спустя десять минут фотограф, наконец, сдается и, командовав мне просто стоять на месте, сам ползает вокруг, пытаюсь создать хоть пару удачных кадров. Ничего не могу с собой поделаться, но расслабиться, как ни силюсь, не получается. То ли алкоголь уже успел выветриться из моей системы, то ли до меня, наконец, с опозданием дошло, что эта съемка не просто «пережить позор на пару часиков», а серьезная работа для известной марки нижнего белья. И после двухчасового позора меня ожидает печать фото в каталогах и, возможно даже, в журналах и соцсетях.

В какой-то момент я просто закрываю глаза и, кажется, начинаю оседать. Прямо на пол. Диванчик-то уже давно успели вынести из кадра.

Но момент соприкосновения с полом так и не происходит. Неожиданно меня ловят крепкие руки, и хриплый голос босса предлагает:

- Мышка, если хочешь, можем закончить это прямо сейчас.
- Последний комплект, – жалобно пишу я.
- Хрен с ним, – отмахивается он. – И так целую кучу фоток нащелкали. У меня скоро приступ эпилепсии случится от фотовспышки.

– Но у нас же контракт.

– Контакт – ху..., – начинает он и тут же исправляется: – Ничего страшного, разберемся мы с контрактом.

– Нет, надо закончить, – упрямлюсь я, несмотря на то, что еще минуту назад на полном серьезе подумывала грохнутья в обморок, лишь бы прекратить все поскорее.

– Точно? – интересуется он, заглядывая мне в глаза.

Во рту сухо, и я лишь киваю, не в силах ворочать языком. Глаза у него красивые. Карие с золотистыми вкраплениями. Сейчас они так близко, что обжигают мою кожу, и у меня неконтролируемо теплеет где-то за ребрами и в животе. Почему-то раньше мне казалось, что если руки босса и окажутся на ком-то, то исключительно, чтобы встряхнуть очередной должок. Но сейчас его ладони довольно мягко обхватывают мою талию и наводят совсем не страх. Не знаю, что именно, но явно не страх.

Эти ощущения для меня какие-то новые, доселе неизведанные. Возможно, ночью, когда я буду разбирать этот вечер по крупицам и пытаться понять, что я могла сделать, чтобы предотвратить эту катастрофу со съемками, я и в эмоциях своих разберусь. А пока я просто тону в них. Не захлебываюсь, но даю им полностью окутать себя и проникнуть в каждую клеточку.

– Ну что, мы будем продолжать? – робко интересуется фотограф. Вообще-то он славится довольно скверным ха-

рактером, многие даже называют его заносчивым. Но почему-то в присутствии Кулакова все, как по волшебству, робеют и скромничают.

– Да, – решительно киваю и пытаюсь встать, вот только босс не стремится меня отпустить. Медленно, по одному, отнимает свои пальцы от моего тела и с шумом выдыхает. Даже походка у него какая-то странная, когда он возвращается на свое место. Может, спину потянул, когда меня ловил? Не хромает вроде, но идет, словно вприпрыжку, как-то неестественно растопылив ноги.

С большим усилием отвожу от босса взгляд и снова включаюсь в работу. Не знаю, может, у меня открылось второе дыхание, а может, это чистое упрямство – стремление доказать Кулакову, что не стоит меня жалеть, и я смогу довести начатое до конца, но на этот раз я с точностью выполняю все указания фотографа. Даше приходится пару раз поправить мне волосы и макияж, но вскоре Жорж с чувством полного удовлетворения опускает камеру и торжественно объявляет, что съемка окончена.

По студии эхом проносится вздох облегчения и, положив руку на сердце, я не уверена, что мой – самый громкий. Остальные-то чего утомились? Устали сидеть?

– Давай, быстренько в душ, и по домам, – визажист мягко толкает меня в сторону белоснежной двери в углу.

До этого дня я всегда удивлялась, почему девушки так

стремятся смыть с себя макияж после съемки. Думала, что любая, оказавшись на их месте, не только отправилась бы домой в боевом раскрасе, но и обязательно зашла по дороге в ночной клуб. Но сейчас мне не терпится смыть липкий шиммер с тела и стереть полкило штукатурки с лица.

Бойлер здесь совсем маленький, всего на 50 литров, поэтому мыть волосы я не решаюсь, ограничиваюсь лишь тем, что собираю обильно смоченные лаком локоны, в пучок.

Отрегулировав воду, я закрываю глаза, пытаюсь переварить все произошедшее. Неужели я действительно на это согласилась? Разделась перед камерой? Надо было отказаться. Да, фирма бы, может, и пострадала, но вообще-то это не мои проблемы...

Внезапно мой внутренний монолог прерывается от звука открывшейся двери. Несмотря на кипяток, льющийся на меня, внутри все холодеет, и я инстинктивно забиваюсь в угол. Но уже в следующее мгновение расслабляюсь, когда слышу голос Даши:

– Марьяш, я поеду, ладно? Дэнчик предложил меня подвезти. Красоту только вот эту заберу.

Сквозь запотевшее стекло душевой кабинки я вижу ее размытый силуэт и то, как она наклоняется, чтобы взять тот самый холтер-бра и трусики в цвет. С удивлением констатирую какое-то разочарование в груди, будто не хочу расставаться с этим комплектом. Делаю себе мысленную пометку

найти подобный бюстгальтер в масс-маркете и улыбаюсь, когда Даша напоследок замечает:

– Отлично поработали сегодня, Марьяш! Ты была на высоте!

Я продолжаю глупо улыбаться этой простой похвале и, включив воду, выхожу из душа. Оборачиваю вокруг тела полотенце и аккуратно заглядываю в студию. Полотенце слишком короткое и едва прикрывает стратегические места, поэтому, несмотря на то, что в помещении никого нет, я быстро семеню к ширме, где оставила свою одежду.

Вот только сейчас ее здесь нет. Пусто. Абсолютно.

Скамейка, на которой лежали отснятые комплекты и мои вещи, совершенно пуста.

Все еще надеясь, что это какая-то ошибка, я снова выглядываю из-за ширмы и оглядываю студию. Наверное, Даша просто переложила мои вещи. Не могли же они исчезнуть... Однако, подробное сканирование всех поверхностей никак не помогает. Моей одежды нигде нет. Ни коричневого платья, ни даже нижнего белья. Студия девственно пуста. Лишь на стуле рядом с диванчиком сиротливо висит кардиган моего босса.

Глава 10 Алексей

Сорок шесть шагов. Таково расстояние от студии до моего временного кабинета. За последние десять минут я раз сто уже прошагал туда и обратно. Сначала хотел дожидаться мышку в приемной, но ноги будто сами несут меня к студии.

Однако, пугать ее не хочу. Еще подумает, что я там подглядываю за ней. Хотя, положив руку на сердце, после того последнего комплекта белья, не то, чтобы ей уже был смысл хоть что-то скрывать. До сих пор не знаю, как Марьяна на это согласилась. Я когда ее увидел, думал – натурально сейчас в обморок грохнется.

Да я и сам, если честно, с трудом устоял на ногах. Меня просто разрывало на части от желания сорвать с нее это развратное белье и замотать в простыню. Был еще второй вариант, правда. С теми же производными – «снять белье» и «простынь», но с совсем иным исходом.

Спустя еще пять минут в дверях, наконец, показывается голова мышки. Она смыла с себя абсолютно весь макияж, но очки не надела, поэтому сейчас я впервые лицезрею ее настоящую во всей красе. Она, действительно, красотка. Огромные глаза сейчас кажутся еще больше – распахнуты по самые брови, и в них такая растерянность, что мне очень хочется броситься ей на помощь. Невольно вспоминаю свои

недавние мысли, когда тоже ее жалел, но на расстоянии, потому что приближаться не было ни малейшего желания. Зачем же ты так с собой, Марьяна? На хрена прячешь все это? Ведь не может она не понимать, как все эти балахоны ее уродуют. Да и очки! Существует куча классных оправ любой формы, а она выбрала самые страшные – бабушкины.

Почему-то от этого мышка еще больше меня интересует. Теперь мне хочется не просто затащить ее в койку, как когда я впервые увидел ее в той самой шелковой пижамке, мне хочется узнать ее. Настоящую.

К счастью, я не успеваю испугаться своих мыслей, потому что девушка робко спрашивает:

– Вы, случайно, не видели мою одежду?

– Я сегодня много чего видел, – губы сами собой расплываются в мечтательной улыбке, – но на одежду, признаться, внимания совсем не обращал.

Пару секунд она недоуменно смотрит на меня, будто пытается понять смысл моих слов, а затем еще больше краснеет и пищит:

– Мои вещи куда-то пропали. Наверное, курьер забрал.

– Вот же извращуга! – возмущаюсь я.

– П-почему сразу извращуга? – слегка заикаясь, переспрашивает она. – Вы же не думаете, что он... Он, наверное, просто по ошибке их забрал вместе со всеми комплектами.

– Да, это более логичный вариант, – приходится признать. – Так ты что там, это... без одежды?

Вытягиваю шею до хруста, но, как ни силюсь, кроме головы, ничего не могу разглядеть.

– Нет, – печально вздыхает мышка и, открыв, наконец, дверь, делает шаг вперед.

Твою ж мать! Уверен, выйди она, действительно, голышом, эффект был бы не таким зубодробильным. Что я там не видел, после этой фотосессии? Но мышка отнюдь не голая. Она, блядь, в моей кофте.

И этот вид – словно циркулярная пила по моим нервам. Не просто царапает мое сознание, она, млин, наживую вырезает в нем этот образ. Навсегда. Навеки, мать их, вечные.

В этот момент я впервые в жизни жалею, что природа-матушка наградила меня таким ростом. Да еще и в качалку столько лет, как на работу, таскаюсь. Был бы я дрыщем, как тот же Жорик, моя кофта смотрелась бы на ней куда откровеннее. А так – висит почти до колен как тот самый балахон, в котором она пришла на работу.

Впрочем, от этого не легче. Я-то знаю, что там у нее под моей кофтой. Вряд ли у меня получится это развидеть. Да и дурак я, что ли, чтобы даже пытаться?

– Вы не против, что я взяла ваш кардиган? – смущенно спрашивает.

Очень хочется сейчас построить из себя грозного босса и скомандовать, чтобы немедленно снимала с себя мою

одежду, но тогда вечер точно закончится реанимацией. При чем, для нас обоих.

Мышка грохнется в обморок от испуга, я же – от перевозбуждения. И так держусь на последнем издыхании, можно сказать. Но если вдруг увижу, как моя кофта элегантно падает к ее ногам... все, пиши пропало. Пропала мышка. Пропал я. Вообще все пропало, шеф.

– Я вам его верну, – пищит она, неверно истолковав мой взгляд. – Надо только ключи найти от гардеробной, у нас там много разной одежды с предыдущих съемок осталось.

– Ключи? – как-то заторможенно реагирую.

– Да. Они, наверное, в вашем кабинете, то есть в кабинете вашего отца. Вы бы не могли их поискать?

Ох, мышка... я много чего могу. Очень много. И мне просто пипец как не терпится показать тебе все мои умения.

– Эм... Алексей Игнатьевич? – ей приходится еще трижды повторить мое имя, чтобы вывести из транса, в который завели мысли об умениях и главное, об их непосредственной демонстрации мышке.

– Конечно, – киваю я. – Сейчас поищу.

Она смотрит на меня с такой надеждой, что на пару секунд я даже сомневаюсь – не взыграет ли моя совесть. Но все-таки нет, стоит мне закрыть за собой дверь в кабинет, она трусливо отступает под натиском либидо. Гардеробная – это, конечно, хорошо... Но ведь моя одежда лучше, мышка. Гораздо лучше. По крайней мере, на тебе.

Спустя пару минут имитации бурной поисковой деятельности в кабинете, я выхожу к ней и, пытаюсь изобразить всю вселенскую скорбь на лице, констатирую:

– Ключей нигде нет.

– Как это? – удивляется она и тут же предполагает: – Может, они у Сонечки в столе? Вы бы не могли проверить?

На этот раз мне приходится более активно имитировать поиски, часть стола видна из дверей студии, на пороге которой так и стоит мышка. Чего я только не нахожу у секретарши: от предметов женской гигиены до пачки из-под пончиков, которая каким-то образом уживается в одном ящике с тоненькой брошюрой о правильном и здоровом питании.

Но в итоге я все равно развожу руками и сообщаю Марьяне, что ключей здесь нет.

– Что же мне делать? – едва не плача, спрашивает она. – Как же я поеду домой?

– Ну вот так и езжай, – предлагаю ей, кивая на свою кофту и тут же благородно добавляю: – Общественным транспортом в таком виде, конечно, лучше не пользоваться, но так и быть, я тебя отвезу.

Глава 11 Марьяна

– Я, наверное, лучше такси вызову, – предлагаю я и зачем-то пячусь назад, обратно в студию. Кулаков меня пугает. Он и в обычное-то время выглядит устрашающе, а сейчас и подавно: глаза блестят, дышит как-то тяжело и, несмотря на то, что даже не шевелится в данный момент, что-то мне подсказывает, что стоит мне дернуться в сторону – он тут же кинется следом. Снова меня не покидает ощущение, что я имею дело не с человеком, а с какой-то зверюгой. Хищником на охоте.

– Голожопая в такси? – он с ухмылкой приподнимает брови. – Захотелось приключений на одно место? То самое, которое голое...

От этого беспардонного замечания я еще больше краснею, причем не только лицом, но, кажется, даже той самой частью тела, о которой идет речь. И он серьезно рассчитывает, что после этого я сяду в его авто?

– Таксист же не будет знать, что я... эм, что на мне нет белья, – мнусь я и уже про себя добавляю: «в отличие от вас».

– Ну-ну, – хмыкает босс, скользя взглядом по моим голым ногам. – Ты в мужской кофте, мышка. Тут и к бабке ходить не надо, что у тебя там ничего нет.

– Таксист может подумать, что это кардиган унисекс, – упрямо возражаю.

– Насчет уни не знаю, но о сексе он стопудово подумает. С тобой, ясен пень. Точно этого хочешь?

– Нет, – возмущаюсь я, – разумеется, нет!

– Тогда хорош ломаться и поехали. Время позднее.

– Ладно, – вздыхаю и иду к своему столу за сумкой. Ее курьер, надеюсь, не увез по ошибке?

К счастью, сумка лежит там, где я ее и оставила. Правда, кроме кошелька, мобильного телефона и ключей от квартиры, там ничего нет.

Когда-то я читала, что французские женщины всегда носят в сумочке новую пару колготок на случай, если пойдет стрелка, и сейчас очень жалею, что не взяла себе такую привычку. Не уверена, что прозрачные капронки меня бы особо спасли в данной ситуации, но хоть немного уверенности бы точно придали.

Делаю себе мысленную пометку притащить, как минимум, два комплекта сменной одежды в понедельник и смиренно двигаюсь к выходу, по пути успокаивая себя.

Ну что такого может произойти по дороге? Босс действительно спешит домой, вон как к лифту бежит. Домчит меня прямиком до подъезда, чтобы не светила нигде своими прелестями, и поедет по своим важным делам. Может, его вообще жена дома ждет. Ну или девушка. Кольца-то на пальце нет. Я чисто на автомате проверила еще вчера.

Однако, стоит нам зайти в кабину лифта, как я вдруг понимаю, что произойти по дороге может многое. Во-первых, мы можем застрять. Вон как натужно скрипит эта металлическая коробка под весом здоровяка.

Во-вторых, я могу элементарно задохнуться. Сейчас, в закрытом пространстве, запах этого мужчины множится, словно плесень во влажной среде. И я бы хотела соврать, что аромат этот вызывает у меня такое же отвращение, как и она, но нет... пахнет Кулаков потрясающе. Тогда, в студии, когда он наносил шиммер на мое тело, вокруг было много других посторонних запахов, которые волей-неволей перетягивали внимание на себя. Сейчас же даже мои духи выветрились после душа и вкупе с его кардиганом на мне, можно смело сказать, что запах босса доминирует. Как и он сам, в принципе. Стоит прямо посередине и, даже несмотря на то, что я вжалась в дальний левый угол, между нами жалкие сантиметры.

Неосознанно рассматриваю его. Каждую черту лица сканирую. Загорелая кожа, упрямый подбородок, высокие скулы, покрытые свежим слоем щетины. Он красивый. Черты лица хоть и грубые, я бы даже сказала, суровые, но приходится признать, что мой временный босс весьма привлекательный мужчина.

К счастью, наш офис расположен всего на седьмом этаже, поэтому поездка занимает лишь несколько секунд. Я даже дыхание без труда задерживаю зачем-то. Из чистого упрямства, похоже, потому что его запах и так умудрился запол-

нить собой не только ноздри, но и легкие.

Жаль, что в машине этот трюк с задержкой дыхания уже не повторишь. До моего дома нам ехать минут двадцать и боюсь, столько времени без кислорода я не протяну. Поэтому, едва забравшись в черный внедорожник, с шумом тяну воздух и понимаю, что кабина лифта – это были цветочки. Салон автомобиля – вот где настоящая пытка.

Здесь я уже не могу сказать, что посторонние запахи отсутствуют, но от этого не легче. И кожаная обивка, и сладковатый запах ароматизатора – отголоски этих ароматов так или иначе чувствовались и раньше, а теперь сошлись в пазл так, что я против воли начинаю представлять, как утром босс принимал душ, стоя перед запотевшим зеркалом в ванной, причесал короткие волосы своей огромной пятерней, а затем дважды распылил этот вкусный парфюм. После этого он оделся, схватил с вешалки кардиган, в который я сейчас завернулась, словно в кокон, и уселся в свой автомобиль, где так же, как и сейчас, слушал тихий рок и... нет, думаю, утром он все же смотрел вперед, а не на пассажирское сиденье. Иначе, в офис бы так и не доехал.

– Дорога – там, – аккуратно тычу пальцем в лобовое стекло. Пока мы только выезжаем с парковки, но дальше трафик уже явно будет более плотным, а значит, ему лучше не отвлекаться.

– Я в курсе, мышка, – уголки его губ снова растягивают-

ся в улыбке. — Я все жду, что ты мне адрес свой скажешь. Или тебя сразу ко мне везти?

— Ой, — смущенно прикрываю глаза, — извините. Нам в Черемушки, я потом покажу куда ехать.

Босс кивает и выруливает на проспект, а я утыкаюсь взглядом в окно, в надежде, что ночные огни города отвлекут меня от мыслей о том, как начался день босса, да и как продолжился тоже. Вообще, от мыслей о нем, желательно. Потому что фантазия у меня хорошая. И раньше я на это никогда не жаловалась, наоборот, в моей работе без фантазии никуда. Но сейчас я впервые испытываю сожаления по этому поводу, слишком уж живо я все это представляю. Будто сама находилась рядом, как сейчас.

К счастью, слишком далеко эти мысли меня завести не успевают. Завидев знакомые очертания своего района, я команду:

— Вот там, за остановкой, налево. Потом направо.

Кулаков послушно выполняет мои команды, но когда я в очередной раз прошу его свернуть направо у детской площадки, угрюмо интересуется:

— Куда, блин?

Хлопая ресницами, я снова выглядываю в окно и понимаю, что на автомате повела босса по своей обычной дороге. Той самой, по которой каждый день иду домой от остановки. Пешком.

Сейчас его внедорожник заехал в узкое пространство между детской площадкой, через которую я всегда прохожу, и тротуаром с высоким бордюром с другой стороны. Впереди дорога продолжает сужаться и для того, чтобы выехать, боссу придется сдавать назад.

– Извините, – пишу я. – Я просто... задумалась.

– О чем, интересно? – с ухмылкой интересуется босс и тут же добавляет: – Судя по тому, как ты покраснела, это было что-то пикантное. Ну же, мышка, колись.

– О рабочем проекте, конечно, – вру я. – Спасибо большое, что подвезли. Дальше я уже сама добегу.

Его слова, а главное, взгляд вгоняют меня в натуральную панику. Я нервно тянусь к ручке и толкаю дверь от себя. Однако, вместо того чтобы выпустить меня на спасительную свободу, она с противным скрежетом задевает низкий заборчик детской площадки и отказывается открываться шире. Я смотрю на тонкую полоску улицы шириной максимум десять сантиметров и перевожу испуганные глаза на босса.

– Застряла, мышка? – с какой-то издевкой интересуется он.

– Вы бы не могли немного сдать назад? – невинно интересуюсь, втайне надеясь, что он не услышал, как я вмяла дверцу в заборчик. Хотя, судя по его выражению лица, вряд ли босс страдает глухотой.

– Неа, – с напускной печалью в голосе отвечает он и ки-

вает на зеркало заднего вида.

Что он там в нем увидел, я со своего места разглядеть не могу, поэтому разворачиваюсь на сиденье и смотрю назад. Там, в нескольких метрах от нас, находятся мусорные баки и именно сейчас к ним подъехал мусоровоз. Я будто в трансе слежу за тем, как двое мужчин выпрыгивают из кабины и не спеша подходят к контейнерам, выкатывают их с постамента и помогают прицепить специальные «клешни». Водитель так вообще вышел и решил покурить. Судя по всему, они абсолютно никуда не торопятся и готовы хоть всю ночь здесь провести. А вот я – нет.

– Выпустите меня, пожалуйста, – жалобно молю.

– Так не терпится прогуляться по райончику с голым задом? – с усмешкой интересуется он и выразительно смотрит на мои бедра. Только сейчас я понимаю, что, когда я развернулась для того, чтобы посмотреть на нашу помеху сзади, кардиган безбожно задрался, и боссу открылся прекрасный вид на мои голые ноги.

– Здесь недалеко, – резко одергиваю злополучную кофту вниз.

– Ну ладно, выходи, – благодушно соглашается он, но с места при этом почему-то не встает.

– Дверь с моей стороны заблокирована, – напоминаю ему. – Вам придется выйти и выпустить меня.

– Что-то мне не хочется, мышка, – лениво протягивает он. – Выходи так.

– Как так? – округляю на него глаза.

– А вот так, – он пригласительно хлопает себя по бедрам. – Перелезай.

– Ч-через вас??

– Ну а почему бы и нет? – пожимает он плечами. – Можешь назад перебраться и выйти через заднюю дверь.

Я с ужасом представляю, как будет смотреться мой голый зад, когда я буду перелезать через коробку передач, и отчаянно мотаю головой.

– Что, не так и спешишь уже? – усмехается он. – Получается, и дверь только зря поцарапала.

– Спешу, – возражаю я и слегка морщусь при упоминании двери. Может, там и царапины-то нет, у него такой внедорожник, что это еще заборчик надо проверить на предмет урона.

– Ну, тогда вперед, – он нажимает на какую-то кнопку, отчего его сиденье с легким жужжанием отъезжает назад. Сейчас между его ногами и рулем довольно много места, и я убеждаю себя, что смогу выйти из машины, даже не задев его. В любом случае, находиться здесь опаснее. Вон как хищно его глаза блестят в полумраке салона.

Решительно киваю, но как только заношу ногу над коробкой передач, Кулаков тянет за нее, и в следующее мгновение я оказываюсь у него на коленях.

Из легких весь воздух разом вылетает. Схватившись за его

плечи, я пытаюсь подняться, но его лапищи, словно гвоздями приколачивают меня и не позволяют двигаться. Одна моя нога все еще находится слева от консоли, а вторая лежит на нем. И если слева мне в бедро упирается рычаг переключения передач, то справа....

Ой, мамочки!

Я судорожно тяну вниз кардиган, пытаюсь одновременно и ноги прикрыть, и затолкать его между бедер, создав как можно более плотную преграду между нами. Потому что поза, в которой я оказалась, не просто компрометирующая. Она на грани. Даже нет, за гранью. Далеко за ней.

– Ты такая неуклюжая, мышка, – на лице Алексея расплывается довольная улыбка и, не разрывая зрительный контакт, он слегка толкается бедрами мне навстречу.

Я громко вскрикиваю и чувствую, как сердце делает кульбит и приземляется прямоком в животе, где, судя по всему, разбивается в лепешку, растекаясь горячей лужицей. Как еще объяснить этот невероятный прилив жара внизу живота?

Я снова пытаюсь отстраниться, но чувствую, будто попала в капкан. «Мышка в мышеловке», – услужливо подсказывает мне собственное сознание. Или даже нет, не просто в мышеловке. Это была бы слишком легкая смерть. Эта мышка попала на растерзание коту. Ловкому, боевому, наглому... который сначала наиграется с ней, а потом уже растерзает

и съест.

Кулаков наклоняется вперед и аккуратно перетягивает и вторую мою ногу к себе. Отчасти, мне становится легче – давление рычага исчезает. Зато другое давление, то самое, которое я чувствую даже сквозь грубую ткань его джинсов, вонзается в мою кожу с еще большей силой.

В очередной попытке отстраниться, я кладу руки на его мощный торс, но он будто не чувствует никакого сопротивления. Наоборот, притягивает меня еще ближе. Дышит в шею, проводит по ней языком, и я натурально чувствую, как удары его сердца отдают эхом в моей груди. А если учесть, что он и дышит, как паровоз, то я начинаю всерьез беспокоиться о его здоровье. Как бы он вслед за отцом не отправился в больницу...

Видимо, проблемы с сердцем – это у них наследственное.

Впрочем, мое сердце тоже как-то странно барахлит. Потому что, когда он, наконец, убирает свой влажный язык с моей шеи и хрипло произносит «такая вкусная мышка», оно заходится в самом настоящем приступе тахикардии.

– Вы... вы извращенец, – безрезультатно молочу кулаками его грудь.

– Чего это? – возмущается он. – Извращенцем я бы был, если бы не хотел тебя. Как можно вот это не хотеть-то?

При этих словах его рука нагло ползет вверх по моему бед-

ру и, несмотря на то, что я с силой пытаюсь свести ноги, останавливаться, кажется, не собирается.

– Не надо! Пожалуйста, – шепчу я, уверенная, что никакие мольбы этого зверюгу не остановят.

Но на мое удивление его рука тут же замирает, и он вкрадчиво интересуется:

– Ну чего ты боишься? Я же вижу, что ты тоже меня хочешь!

– Неправда, – слабо возмущаюсь.

– У тебя мурашки – раз, – он демонстративно загибает один палец.

– Это от страха.

– Соски торчат так, что дыры в моей кофте скоро просверлят, – он загибает второй палец.

– Это от холода! – возмущаюсь я, вспыхивая, как факел.

– Дышишь часто, – в ход идет третий палец.

– Вы меня взяли в заложники и не отпускаете. Я перепугана до смерти, – упрямо заявляю.

– Интересно, что ты скажешь на это? – ехидно интересуется он и неожиданно подается вперед.

Как и с ногами ранее, я честно пытаюсь сжать губы, но, видимо, мое тело решает окончательно подставить меня, потому что стоит его языку нахально толкнуться в мой рот, как тот послушно раскрывается и принимает его внутрь. От неожиданности, разумеется.

Я моментально проигрываю эту битву и позволяю нашим

языкам сплестись под его безумным напором. Сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет из груди, а в ушах бешено молотит пульс.

Это далеко не первый мой поцелуй, но почему-то сейчас мне кажется, что все, что было до этого – не считается. Так меня еще никто не целовал. Детские игры с ровесниками закончились и сейчас я имею дело с настоящим мужчиной. Зверем. Он доминирует, полностью контролирует ситуацию и, кажется, даже не собирается останавливаться. Я громко ахаю, впиваясь ногтями в ткань его футболки, но почему-то позволяю ему неистово себя целовать.

Мои собственные ощущения повергают меня в еще больший шок, чем сам факт поцелуя. Не просто поцелуя! С боссом! С этим мужланом! Но вместо отвращения и возмущения я испытываю какой-то странный восторг. Будто трение колючей щетины совсем не доставляет дискомфорт, а его самоуверенность не сминает мои личные границы. Будто все происходящее не ужасная ошибка.

Умом я понимаю, что ошибка, еще какая. Но вот насчет ее «ужасности» у меня, по крайней мере, в этот момент огромные сомнения.

Безумие какое-то. Самое настоящее.

Он целует меня, будто не в силах остановиться. Жадно, с вызовом и каким-то первобытным голодом. Но самое удивительное это то, что я сама не уверена, что смогу остановиться. Крепко зажмуриваюсь, но вместо того, чтобы скон-

центрироваться на своих мыслях, еще больше растворяюсь в ощущениях. В том, как на языке играет пряный мужской вкус, как сильные руки мнут мои ягодицы, а что-то твердое упирается между моих ног. Не просто упирается, толкается, вырывая из горла какие-то странные пошлые стоны.

Это меня пугает. Очень сильно. Но, видимо, все-таки недостаточно для того, чтобы я смогла остановить это сумасшествие. Я лишь слегка приподнимаю бедра, чтобы разорвать этот порочный контакт наших тел. Но, потеряв битву на одном «поле боя», Кулаков не сдастся, и его руки тут же тянутся к моим плечам, растягивая по ним и без того постоянно сползающий ворот кардигана. Он нежно ведет пальцами по ключицам, спускается ниже, очерчивая линию декольте и когда его ладони уверенно накрывают мою грудь, я с криком вскакиваю, больно стукнувшись головой о потолок автомобиля.

Господи! Что мы творим?? Что я творю? Яркие фары позади нас давно исчезли и пространство вокруг накрыла практически кромешная тьма. Но сейчас она страшит меня гораздо меньше, чем Алексей. Его глаза горят просто безумным огнем, а сквозь приоткрытые губы вылетает рваное горячее дыхание, которое оставляет самые настоящие ожоги на моем лице. Этот зверь натурально облизывается и снова тянется ко мне, но я успеваю схватиться за ручку двери и, с силой толкнув ее от себя, буквально вываливаюсь наружу.

Успеваю отбежать от машины на несколько метров, когда

из нее появляется Кулаков и хрипло просит:

– Мышка, не дури.

Я продолжаю пятиться назад, понимая, что несмотря на длинные ноги и на то, что этот район я знаю гораздо лучше него, далеко убежать мне вряд ли удастся. А в том, что просто так он меня не отпустит, сомнений нет. Продолжая хищно сверкать глазами, он до хруста дергает шеей и, делая шаг вперед, тянет дверцу машины на себя. Вот только она не поддается, и мы с ним одновременно переводим взгляд вниз – туда, где она вплотную соприкасается с высоким бордюром. И еще до того, как с его губ срываются первые ругательства, я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и начинаю бежать.

Глава 12 Алексей

За время, что уходит у меня на то, чтобы максимально бережно отодрать дверцу машины от бордюра, мышка, разумеется, успевает смыться. Вот же катастрофа ходячая – две двери за один вечер умудрилась мне уделать! И если эту проблему можно легко решить в автосервисе, то со стояком мне своим что делать?

Запираю машину и решительнодвигаюсь в ту сторону, в которой она скрылась. Я этот район не знаю и поэтому прекрасно понимаю, что у нее большая форa. Не удивлюсь, если она уже давно сидит дома и попивает чаек с ромашкой для успокоения нервов. Согласен, вечер у нее выдался не из легких. А кому сейчас легко?

Мне, можно подумать, не пришлось приложить все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы не наброситься на нее прямо посреди фотосессии. И останавливало меня вовсе не присутствие камеры.

И тем не менее, несмотря на то, что я более чем уверен, что догнать Марьяну не смогу, пару раз прохожусь по всему району, словно доблестный служитель порядка. Не хватало еще, чтобы она в таком виде гопников каких-то встретила. Они-то уж точно не дадут ей сбежать, оставив их ни с чем.

Если, конечно, не считать каменные стояки.

Через полчаса блужданий я, наконец, сдаюсь и двигаю обратно к авто. Даже жаль, что она не нарвалась на какого-нибудь маньяка. Я бы сейчас с удовольствием выплеснул накопленный адреналин в безбашенной уличной драке. А потом бы и тестостерон... уже с мышкой.

Но, судя по всему, девчонке удалось добраться домой без приключений. Уверен, попади она реально в неприятности, я бы это услышал. Весь район бы ее услышал. Вон она как орала, когда я к сиськам ее потянулся. В ушах до сих пор стоит ее мелодичный крик. И если бы стоял только он... Сирена, блд. Те тоже своей песней мужиков завлекали. Я еще легко отделался – дверцами машины, а ведь могла бы и утопить где-нибудь в болотце на районе.

Ладно, мышка, далеко ты все равно не уйдешь. Отдохни, наберись сил, обдумай свое плохое поведение... а в понедельник встретимся в офисе и продолжим разговор. Я покажу тебе, кто здесь биг босс и большой начальник. Отработаешь по полной. И уж я позабочусь, чтобы ты больше не сбежала.

В подъезд я захожу в все еще скверном настроении, поэтому слишком приветливая улыбка консьержа меня раздражает. Вместо того, чтобы просто кивнуть в знак приветствия,

тот бежит за мной до лифта и интересуется, как прошел мой день.

– Паршиво прошел, – рывкаю я, выжимая кнопку вызова вперед него. За барышнями пусть ухаживает, я пока сам в состоянии вызывать лифт.

– Уверен, совсем скоро ваше настроение улучшится, – весело подмигивает он, продолжая улыбаться дурниной. Обкурился он, что ли?

Настроение у меня улучшится, когда я поставлю Марьяну на колени, а пока придется уйти с головой в работу, чтобы окончательно не свихнуться от спермотоксикоза. Вот же мышка! Шутка про «наш девиз всегда один, возбудим и не дадим», будто с нее писана. Девочка-динамо.

А ведь хотела этого не меньше меня. Я видел голод в ее глазах! Страх там, конечно, тоже присутствовал. Но возбуждение было сильнее. А эти ее стоны... да ей впору давать уроки в порношколе или где там этих актрисулек учат красиво стонать под мужиком?

Может, этим она меня и взяла? Мышка явно не пыталась изобразить из себя роковую. Даже наоборот, судя по скучным нарядам на пять размеров больше, всячески старалась избежать мужского внимания. Но не избежала. И теперь пути назад точно нет.

Захожу в квартиру и моментально столбенею при виде свечей на полу. В памяти тут же всплывают обещания кон-

сержа о том, что мое настроение скоро улучшится, и аж зад сжимается. Это ж не он...

– Наконец-то, – из гостиной выплывает Лиля в одном нижнем белье. – Я тебя заждалась.

Зад моментально расслабляется, а вот я сам не спешу:

– Что ты здесь делаешь? Мне кажется, мы договаривались: я звоню, ты приезжаешь, не звоню, не приезжаешь. Все просто, как дважды два.

– Ты мне звонил, – она жеманно пожимает плечами, от чего грудь под красным кружевом выдается вперед.

– Четыре часа назад, Лилия. И нужна ты мне была, соответственно, четыре часа назад.

– Ну я же здесь сейчас, – улыбается она и даже не пытается выглядеть виноватой. – Ты же сам говорил, что личное присутствие куда важнее, чем всякие разговоры...

– Это я тебе говорил, когда ты предложила мне устроить секс по телефону вместо того, чтобы приехать, – хмурюсь я.

– Ты мне позвонил в три часа ночи! – она смешно дует губы, но дальше этого обида, как всегда, не заходит.

– А сегодня я тебе позвонил в семь часов вечера, – парирую довольно спокойно.

– И что? – возмущается она. – Да, я не взяла трубку. Ты теперь будешь меня наказывать за это?

– Да при чем тут наказывать? – удивляюсь я, начиная немного раздражаться этому бессмысленному диалогу. – Я тебе звонил, потому что ты мне была нужна тогда. Сейчас

не нужна. Все. У отца в офисе форс-мажор случился, модель для съемки нижнего белья ногу сломала.

– И ты хотел, чтобы я позировала в нижнем белье перед камерой? – Лиля округляет глаза, будто я ей только что предложить снять домашнее видео в режиме онлайн. – Я, что, шлюха, по-твоему?

– Чего? – рывкаю я. Сам не знаю, почему ее слова так меня задевают. Ну где Лилька и где хоть какие-то логичные выводы? Она часто чепуху городит, но именно сейчас я закипаю. Хочется верить, что такая реакция у меня из-за чрезмерной усталости, все-таки денек действительно выдался не из легких. Но глубоко внутри я понимаю, что злюсь скорее всего из-за слова «шлюха», которое хоть косвенно, но касается мышки. Моей мышки. И от этого я начинаю натурально звереть.

Носком ботинка методично тушу свечи и, оттеснив Лилю с дороги, иду в ванную. Мою руки, стягиваю с себя футболку и, поймав в зеркале ее отражение, недоуменно спрашиваю:

– Ты еще здесь?

– Кулаков, ты чего? – возмущается она.

– Я тебя не звал и вот этого всего, – киваю за дверь, где на полу все еще расставлены свечи, – не просил.

– И что, я не могла проявить инициативу? – не сдается она.

– Вопрос не в том, что ты могла или не могла, – пожимаю плечами, расстегивая ремень на джинсах. – Вопрос в том,

что стоило делать, а чего не стоило. Так вот, приезжать сюда без приглашения не стоило. Понятия не имею, что ты пообещала тому парню внизу, но кажется, он только что лишился работы. Он не имел права давать тебе ключ.

— Но он знал... знал, что мы с тобой..., — к счастью, она замолкает до того, как с ее губ слетает банальное «в отношениях».

— Спим вместе? — хмыкаю я. — Если он считает, что право доступа в мою квартиру автоматически выдается через постель, то в таком случае дверь вообще не имеет смысла запирать.

На короткое мгновение мы встречаемся взглядами и, судя по тому, что Лиля, наконец, покидает ванную и, надеюсь, квартиру тоже, в моем полыхает настоящий огонь.

Признаюсь, в какой-то момент в голове мелькнула мысль спустить пар и накопленный тестостерон с ней. Кто мне мешает закрыть глаза и представить, что в этот момент я трахаю Марьяну? Еще вчера я бы сказал, что никто... Сегодня же меня останавливает... если не совесть, то сама мышка. Не могу я так с ней. И не буду.

Блд... вот это ты, Леха поплыл...

Глава 13 Марьяна

Сердце продолжает надсадно колотиться и пока я бегу до своего дома, и когда, проигнорировав лифт, пулей взлетаю на восьмой этаж, и тем более когда я вставляю ключ в замок. Я всегда проворачиваю его на три оборота, а сейчас дверь закрыта на два.

Дрожащими руками тяну ручку на себя, мысленно молясь, чтобы внутри были грабители, а не Кулаков. Понятия не имею, где бы он мог раздобыть мой адрес, а самое главное – как бы успел добежать сюда вперед меня, но сейчас вся логика вдребезги разбивается о липкую панику.

Мне кажется, после всех событий этого вечера я даже не особо удивлюсь, обнаружив у него сверхспособности. Умеет летать? Ну ладно. Читает мысли? Ну, бывает...

Новый босс уже заставил мой мир перевернуться с ног на голову и поверить в невозможное. К примеру, в то, что я могу заменить профессиональную модель. Ну или в то, что я, как самая настоящая распутница, буду целоваться с ним в машине.

Сколько я таких девиц видела возле университета? Они даже и не скрывались особо! Каждый раз их какая-то новая машина подвозила, дай Бог, к третьей паре успевали. Мало того, что сквозь нетонированные окна мы все видели боль-

ше, чем когда-либо хотели, так они еще и на лекциях, вместо того, чтобы слушать преподавателя, шумно делились подробностями с подружками.

Господи, как хорошо, что мы застряли у площадки, и босс не довез меня до дома. Любовь Ивановна, наверняка, как и всегда, сидела у окна. Любопытная соседка не пропускала ни одной машины и, если я ни в ем порочном не была замечена (до сегодняшнего дня, конечно), то, когда Кристина жила со мной, ей доставалось по полной. И летящее в спину «проститутка» было самым безвредным.

Осторожно захожу в квартиру, будто в самом деле ожидаю нападение бандитов, но вместо них и, главное, вместо Алексея Игнатьевича, навстречу мне выходит Кристина. Хотя выходит – не совсем то слово, скорее, выпрыгивает на одной ноге. Вторая у нее в гипсе по самое колено.

– Ты чего так поздно? – спрашивает она одновременно с тем, как я произношу:

– Что ты здесь делаешь?

– Мы с Мариком решили, что ему будет сложно за мной ухаживать, пока я в гипсе. Он же на работе целыми днями.

– Так я тоже на работе, – подозрительно прищуриваюсь. За три месяца их отношений она уже четвертый или пятый раз возвращается сюда. Разумеется, подруга имеет на это полное право – квартира принадлежит ее тетке, которая несколько лет назад вышла замуж за пожилого японца и пе-

реехала к нему, но могла бы и предупредить, чуть до инфаркта меня не довела.

С Кристиной мы познакомились на первом курсе и несмотря на то, что мы совершенно разные, очень быстро подружились. И если в начале наших отношений я подозревала, что дружит она со мной исключительно ради списывания домашки, то, когда подруга забрала документы после третьего курса, последние сомнения отпали. Мало того, что общаться со мной не перестала, так еще и пригласила переехать из общежития вместе с ней.

Периодически она съезжается со своими парнями, но, как в сказке, всегда возвращается ко мне. Вот и сейчас, Крис смешно прыгает на кухню, где я растекаюсь по небольшому диванчику и пытаюсь притвориться мертвой. Впрочем, это совсем не мешает ей сыпать вопросами и заваривать мне чай одновременно.

Сделав большой глоток ромашкового чая, я рассказываю ей обо всех своих приключениях. Ну... почти обо всех. Последний этап я предусмотрительно опускаю, остановившись на том, что лишь помяла боссу дверцу машины.

– Это все из-за меня, – театрально восклицает она. – Прости меня, пожалуйста!

Господи, наверное, я ужасная подруга, если, попав под ма-

шину, она просит прощения у меня. Ну или, может, это потому, что из нас двоих «при смерти» выгляжу сейчас именно я. У Кристины, кроме белоснежного гипса на ноге, никаких увечий нет. Даже укладка, кажется, не испортилась. Сразу видно, кто из нас профессиональная модель.

Нет, я, конечно, тоже не уродина и прекрасно это осознаю, но подать себя как подруга никогда не умела.

Впрочем, мне это и не нужно. Меня интересует только карьера, а там чем неприметнее у тебя внешность – тем лучше.

Но в то же время, глядя сейчас на подругу, я не могу отделаться от мысли, что Кулаков ее фото забраковал. Еще и воблой сушеной назвал, хотя у нее уверенный третий размер груди и бедра крупнее моих. Но тем не менее, я готова поклясться, что там в машине, я ему нравилась... Это, как бы так выразиться, было довольно ощутимо... Мне кажется, я до сих пор чувствую ожоги на внутренней стороне бедер, там, где он нахально терся об меня.

– Ты чего покраснела? – ахает Крис. – Давление?

– Нет, – тут же оправдываюсь. – Просто вспомнила, что новый босс подумал, что ты попала в проект, потому что откат мне дала и, если он узнает, что мы соседки...

– Как он это узнает? – смеется она. – Он, что, следить за тобой будет?

– Нет, конечно, не будет, – громко сглатываю и на всякий случай плотнее задергиваю шторы на кухне.

Не знаю, в какой заботе нуждается Кристина, но выходить из квартиры в ближайшие дни я не собираюсь. Не думаю, конечно, что босс до сих пор шатается по району, как тот самый призрак коммунизма, но лучше перестраховаться.

Остаток вечера мы с подругой проводим перед телевизором, и пусть я даже под пытками не смогу повторить, о чем был фильм, это помогает мне отвлечься. Воспоминания о безумном вечере успевают померкнуть, мне даже начинает казаться, что все это лишь плод моего больного воображения. Ну не могло же столько сумасшедших событий приключиться со мной, скромной стажеркой, за несколько часов?

Однако, стоит моей голове коснуться мягкой подушки, в сознании моментально всплывают все мельчайшие подробности: золотистый шиммер на моей коже, горящие глаза босса, откровенное белье и отсутствие онога позже, когда я каким-то образом оказалась у него на коленях. Меня снова бросает в жар, и я начинаю всерьез подозревать, что Кулаков меня чем-то заразил. А что? Это бы вполне объяснило и нездоровый блеск в его глазах и то, каким невероятно горячим казалось его тело подо мной и самое главное – то, что произошло в его авто.

Точно! Горячка – это самое логичное объяснение из всех возможных! Вот же гад! Мало того, что больной на работу пришел, так еще и целоваться полез! Наверняка, это ка-

кая-то кишечная палочка. У меня весь вечер живот как-то странно крутит, будто кто-то с силой давит на него под водой. Под очень горячей водой... практически кипятком.

И этот жар, вызванный его бактериями, пульсирующими волнами распространяется вверх по всему организму. Господи, как бы в инфекционку не загнать опять! В школе я там как-то две недели провела, когда мы с классом отправились в поход и наелись некачественных консервов. Ужасное было время! Так и знала, что от такого мужчины одни проблемы будут! Я ему не прощу, если снова придется лежать под капельницами! До его появления в фирме у нас все четко было, ни одной осечки! А тут за один вечер и контракт едва не сорвался, и вещи мои исчезли, и... про то, что случилось в сумраке авто, вообще лучше не думать.

Хотя теперь, зная, что он заразил меня каким-то гриппом, меня хотя бы совесть не так мучает за урон, который я нанесла дверцам его машины. Так ему и надо! Нечего вирусы свои так активно распространять!

С этими мыслями я, наконец, засыпаю, но и во сне босс не оставляет меня в покое. Ходит, словно тот ежик в тумане, вокруг моего дома, только вместо заунывного «лошааадка», он, конечно же, кричит «мыыышка».

Глава 14 Марьяна

Несмотря на то, что я выпила жаропонижающее и несколько блистеров активированного угля, все выходные меня продолжает лихорадить, и утром понедельника я принимаю волевое решение не идти на работу. Разумеется, исключительно потому, что я не такая безответственная, как босс, и не хочу никого заразить, а не потому, что боюсь его увидеть.

Уверена, Кулаков тоже догадался, что все произошедшее лишь следствие его болезни, так что бояться нечего. По идее...

На деле же, когда звоню Соне, чтобы предупредить о своем отсутствии, я несколько раз специально кашляю в трубку, чтобы на всякий случай выиграть себе еще пару дней отгула. А там, глядишь, и старый добрый начальник вернется в свое кресло, а его сын отправится по своим бандитским делам. И мы с ним больше никогда в жизни не увидимся. Ну не красота ли?

Красота, конечно. И умом я это прекрасно понимаю, но, видимо, вирус и вправду еще не вышел из организма, потому что при этих мыслях меня снова бросает в жар, и даже спина покрывается испариной.

– Я с ума сойду, если мы просидим в четырех стенах еще

один день, – начинает ныть Кристина после завтрака. За эти два дня ее парень позвонил ей лишь однажды, и то, чтобы выяснить, где лежит его любимая синяя футболка. Пару раз я видела, как она украдкой вытирала слезы, но поговорить по душам нам так и не удалось. Она вполне обоснованно считает, что раз в отношениях у меня нет никакого опыта, то и советы я давать не в праве. В этом я с ней полностью согласна, но помочь подруге мне все же хочется, поэтому, когда через какое-то время она заискивающе предлагает прогуляться, я понимаю, что не смогу ей отказать.

– Как ты себе это представляешь? – вяло сопротивляюсь. – У тебя нога вообще-то сломана, не забыла?

– Ну вот и выгуляем моих новых друзей, – не сдается она, кивая на костыли, которые доставили еще в субботу. Так как я осталась верна своему слову, и все выходные не выходила из дома, в нашу квартиру выстроилась просто вереница курьеров. И если я ограничилась лишь продовольственными товарами, то Кристина разорила все магазины в округе. Поэтому сейчас и горит желанием выгулять не только костыли, но и новые сандалии, которые ей пришлось купить как временную замену привычным каблукам, а также новое платье к ним, шляпку и сумочку.

Глядя на то, как она наряжается, мне впервые за долгое время не хочется замотаться в балахон подлиннее. Конечно, на такое же яркое мини я не решаюсь, но надеваю кремовый сарафан до колен и даже волосы не затягиваю в привычный

пучок.

– Наконец-то, – верещит она, когда я выхожу из своей комнаты. – Я знала, что рано или поздно ты забудешь своего Мудилова!

– Не называй его так, – вздыхаю с упреком.

– А как мне прикажешь его называть? Арсений Батькович? – она даже нос морщит, чтобы лучше показать свое отношение к моему бывшему начальнику.

Вообще-то его фамилия Удилов, но подруга зовет его не иначе как Мудиловым, аргументируя это тем, что он полный мудака. И несмотря на то, что я с ней полностью согласна, такое прозвище все равно режет мне слух.

– Можешь вообще его никак не называть, – миролюбиво предлагаю. – Ты прекрасно знаешь, что я уже давно его забыла, и платье никак не связано с ним.

Подруга скептически кивает, но, к счастью, не упорствует в своем стремлении убедить меня обратном.

Арсений был старшим бренд-менеджером рекламного агентства «Роялти», того самого, куда я пришла проходить стажировку прошлой весной. Поначалу он совсем не обращал на меня внимания, но, когда я пришла к нему согласовывать план для моего дипломного проекта, он предложил мне с ним помочь, а потом вообще пригласил на свидание. Мое первое в жизни! И несмотря на то, что в офисе мно-

гие девочки называли его самовлюбленным бабником, я была с ними не согласна. Тогда!

Сейчас-то я понимаю, что все его вопросы так или иначе касались моего проекта, а не моей многогранной личности. Но тогда мне казалось, что его интересую только я. Он даже попросил меня не распространяться о наших отношениях на работе, чтобы завистники не помешали нашему счастью, и так как я сама считаю, что счастье любит тишину, то, конечно, хранила молчание.

Он был настоящим джентльменом, всегда красиво одевался, тайком приносил мне шоколадки и, в целом, выглядел как принц из сказки. Конечно, я в него влюбилась. У меня не было ни малейшего шанса!

А потом выяснилось, что он просто присвоил себе мой дипломный проект. Благодаря моим подробным рассказам, он без проблем сумел доказать, что сам все составил и рассчитал, а переписку с представителями той компании я вела лишь по его просьбе.... Да и девушка у него, оказывается, имелась. Даже не девушка... невеста!

Самое страшное, что после всего этого он очень удивился, когда я ушла из «Роялти», Арсений считал, что я вполне могу продолжать работать там и снабжать его годными идеями, которые будут двигать его вверх по карьерной лестнице.

Но в итоге он получил свое долгожданное, хоть и не за-

служенное, повышение, а я осталась без стажировки и даже без дипломного проекта.

Игнат Юрьевич спас, если не мою жизнь, то учебу точно. Если бы не он, меня бы, наверняка, отчислили из университета. Но он мало того, что помог мне в кратчайшие сроки организовать новый проект, так еще и предложил постоянное место в своей компании. И пусть она не такая успешная, как «Роялти», здесь я себя чувствую гораздо уютнее. Поправочка... чувствовала. До появления Кулакова-младшего.

Надеюсь, его отец скоро вернется в свое кресло. Моя стажировка подходит к концу уже через пару дней, и меня должны, наконец, оформить в компании должным образом. Я даже на заочку перевелась с этого года, чтобы полностью влиться в работу. Родители, конечно, не поняли мое решение, но Игнат Юрьевич обещал лично научить меня всему, что нужно на практике.

Он вообще с первых дней относился ко мне, как к дочери и если в начале меня это насторожило, то по прошествии почти двух месяцев работы, я понимаю, что он просто увидел во мне себя – мы с ним оба горим работой и частенько задерживались допоздна, обсуждая рабочие проекты. Он постоянно сетовал на то, что ему будет некому оставить свое детище. Тогда я почему-то подумала, что у него просто нет детей, теперь же, познакомившись с его сыном, понимаю, что, да, шеф прав... оставить фирму будет некому. Единственное, в чем Алексей сможет помочь, это если вдруг клиент

откажется платить нам по счету... Но это уже крайний случай, если юристы не справятся сами.

Прогулка с Кристиной получается недолгой. Оказывается, ходить на костылях не так просто, как кажется на первый взгляд. Подруга едва проходит несколько метров, когда заявляет, что дальше идти не в состоянии, и нам приходится усесться на лавочку у соседнего подъезда.

Там меня и застает звонок от Сонечки:

– Я знаю, что ты плохо себя чувствуешь, – почему-то шепотом говорит она, – Но тут тааакое... Игнат Юрьевич всех собирает на совещание через сорок минут. Сказал, чтобы все-все были.

– Игнат Юрьевич? – Я, в отличие от нее, говорить шепотом не в состоянии, настолько я рада появлению Кулакова-старшего. – Он вернулся?

– Да, пришел буквально полчасика назад, объявил, что в двенадцать будет собрание. А сейчас они закрылись в его кабинете и разговаривают о чем-то на повышенных тонах.

– Они? – подозрительно уточняю.

– Ну да, оба Кулаковы, старший и младший.

– И, о чем они там спорят?

– Понятия не имею, – едва слышно отвечает она. – Но я им только что кофе носила, выглядят злыми. Оба.

– Может, сын не хочет уходить? Как в той сказке, когда у зайчика была избушка лубяная, а у лисицы ледяная? –

предполагаю я.

– Не знаю, – отвечает она. – Но мне почему-то страшно. Приедешь? Босс сказал всех собрать. Будут какие-то важные новости.

– Приеду, – обреченно вздыхаю, понимая, что Кристина сама домой не сможет дойти, а значит, мне придется ей помочь, и на то, чтобы переодеться, времени уже не останется. Ладно уж, после того, что было в пятницу, хуже быть не может... Сейчас на мне, по крайней мере, мое собственное платье.

Глава 15 Алексей

Вот не зря говорят, что понедельник – день тяжелый. И если утром у меня было довольно хорошее настроение, то сейчас, глядя на пустующее место мышки, я понимаю, что есть доля правды в народной мудрости.

Ну и куда она запропастилась? В робкое «приболела», которым меня одарила Сонечка, я не верю.

Вот же трусишка. В принципе, я не удивлен. После того, как в пятницу она удрала, сверкая пятками, я вообще ожидал найти заявление на увольнение на своем столе.

Да, переборщил маленько я тогда. Но как сдержаться-то было? Мне, по идее, премию надо было выписать за то, что не взял ее прямо в этой студии, когда она в моей кофте на голое тело появилась. И медаль заодно. Только не на шею, а на то самое место, которое и пострадало больше всего от перенапряжения.

Сначала я думал, что все выходные придется провести под холодным душем, даже всерьез подумывал набрать полную ванну ледяной воды и спать прямо там, потому что прекрасно понимал – если наяву мышка меня так будоражит, то и во сне в покое не оставит. Исключительно из соображений безопасности отбросил эту идею, о чем и пожалел впоследствии, когда утром проснулся с дичайшей головной болью и с не менее дичайшим стояком.

Благо, есть у меня один проверенный способ, как хорошенько прочистить голову и избавиться от навязчивых мыслей. И нет, это не то, что вы подумали. Хотя, судя по тому, как на меня сейчас смотрит отец, лучше бы все-таки воспользовался более легким способом.

– Я думал, что время, когда я краснел за твою физиономию, давно прошло, – вздыхает он, глядя на рассеченную бровь.

– Тот факт, что после окончания школы учителя перестали тебе звонить, чтобы пожаловаться на мою рожу, совсем не значит, что я забросил борьбу, – отвечаю ему с улыбкой и обнимаю. Я успел навестить его в клинике еще в субботу, до того, как мы с Артемом устроили замес на ринге, поэтому был в курсе, что его выписывают. Но в офисе так быстро увидеть не ожидал. Мать мне все уши прожужжала о том, как много сил отнимает у него компания, так что я был уверен, что ей удастся уговорить его хоть на минимальный отпуск.

Но судя по тому, что утром я обнаружил его в кресле, к которому странным образом успел прикипеть всего за несколько дней, маман в этот раз проиграла битву. По идее самое время порадоваться и возвращаться в свое собственное кресло в другом районе города, но странным образом я чувствую какое-то противное разочарование, которое очень быстро перерастает в ужас, когда отец произносит:

– Я решил продать фирму.

– Почему? Зачем? С чего вдруг так резко? – вопросы сыплются из меня со скоростью света.

– Не хочется показаться банальным, – усмехается он, – но, побывав на грани жизни и смерти, я смог неплохо расставить приоритеты. Чего я только не обещал себе в первый день, пока в реанимации лежал. И пусть в итоге все закончилось хорошо, но задуматься мне этот случай помог.

– Возьми отпуск, – предлагаю. – Чего сразу рубить с плеча?

– Ты же меня знаешь, – говорит он с улыбкой, но какой-то грустной. – Если сейчас не обрежу все веревки, дальше не смогу. Сколько я уже собирался на покой? Сколько «вот еще один контракт, и все» у меня было?

Сжимаю челюсти до хруста и очень жалею, что находимся мы не в моем офисе. Там у меня есть груша. Там можно легко выпустить пар. Вот же черт! Как не вовремя!

Умом понимаю, что отец прав. Да и в любом случае, фирма его, а значит, делать с ней он может все, что угодно. Но...

Вот всегда есть это мерзкое «но».

Почему именно сейчас?

И дело ведь не только в Марьяне, которую будет гораздо легче затащить в постель, если мы будем работать вместе. Дело в том, что за те три дня, что посидел в кресле отца, я успел примерить костюм супергероя и нарисовать в голо-

ве вполне правдоподобный сценарий того, как вытаскиваю его фирму из задницы. Дела у компании реально неважные, но пара-тройка удачных контрактов, и мы снова на плаву.

Азарт. Гребанный азарт. Сколько раз в жизни я попадался на этот крючок?

Но приходится признать, за эти дни я позволил ему снова впрыснуть ядовитый раствор в мою систему, и сейчас намерения отца приносят мне буквально физическую боль.

– Я смотрел бумаги, – продолжаю упорствовать, – не все так плохо. Дай мне хотя бы попробовать.

– Я хочу уйти достойно, сын, – вздыхает он. – «Роялти» предлагает довольно адекватную сумму. Не самую высокую по рынку, конечно, но... Не хочу я закончить как Кочетов.

– Кочетов был придурком, – цежу сквозь зубы. И не вру ведь. Они с отцом когда-то начинали вместе, но потом разделили бизнес и если у отца дела пошли в гору, то Олег Кочетов был любителем сомнительных сделок и контрактов. Когда у руководства «Роялти» только появилась идея-фикс монополизировать рынок, они предлагали выкупить у него компанию, но тот отказался и в итоге погряз в долгах. Даже репортаж по телеку выходил о том, как он свалил куда-то, оставив работников без зарплаты. – И ты в любом случае как он не закончишь. Я тебя подстрахую, пап.

– Предлагаешь мне подачку? – отец картинно хватается за сердце и даже голос повышает, что ему несвойственно. –

Дожил – на старости лет деньги у сына просить!

– Да при чем тут просить? Мы с тобой сейчас как бизнесмены разговариваем, а не как родственники. Я предлагаю тебе подождать с продажей фирмы, а все риски беру на себя. Считай это очередным инвестиционным проектом.

– А как же твое золотое правило «никогда не вкладывать деньги в дело, в котором сам не разбираешься?», – с подозрением спрашивает он.

– Ну так разберись, какие проблемы?

– Какие проблемы? – срывается отец. – Хочешь сказать, что я тупой придурок, который довел фирму до ручки, а ты такой умный в сияющих доспехах ее спасешь?? То есть я за тридцать лет в этом бизнесе не разобрался, а ты сейчас за недельку все тут разрулишь??

– Отец, ну перестань, а? Тебе волноваться нельзя вообще-то. Ну выразился я не так, бывает. Чего кипятиться-то сразу?

– Вот поэтому я и хочу продать фирму, – вздыхает он и снова падает в кресло, из которого вскочил в порыве гнева. – Не могу я спокойно к этому относиться. Это для тебя просто бизнес. Для меня же это... ребенок, что ли.

– Которого ты решил продать? – смешно округляю глаза, пытаюсь перевести все в шутку.

– Скорее, выпустить в свободное плавание, – смеется отец. – Как тебя когда-то. Ты всегда говорил, что мы с мате-

рю тебя душим своей опекой.

– Покажи мне хоть одного подростка, который ни разу в жизни не выдал эту пафосную фразу, – закатываю глаза.

Батя еще ладно, но маман реально пыталась контролировать мою жизнь до мелочей, поэтому, едва окончив школу, я собрал свои манатки и отправился, как выразился отец, «в свободное плавание». Всякое бывало, не спорю... Иногда мне реально хотелось, поджав хвост, снова вернуться под крыло родителей и просто прожигать жизнь на их бабло, как поступало большинство моих друзей. Но в итоге я, разумеется, ни о чем не жалею.

– Давай так, – поднимаю руки в примирительном жесте. – Вы с мамой отправляетесь в долгожданный отпуск. Куда она там хотела? На Филиппины?

– Вроде бы, – вздыхает отец. – Нашла какой-то пляж на Боракае и все уши мне прожужжала.

– Вот и отправляйтесь туда на пару недель, а лучше на месяцок. Если за это время дела не пойдут в гору, продашь фирму по приезду. Договорились?

Отец протяжно вздыхает, и еще до того, как он открывает рот, чтобы возразить, я напоминаю:

– Все риски я беру на себя.

Подумав с минуту, он, наконец, кивает, а я выдыхаю с облегчением. Самое сложное позади, осталось дело за малым – реанимировать фирму и вывести ее на первые места по рын-

ку. Мелочь, право слово. Тем более я, кажется, знаю, кто мне в этом поможет.

Отец созывает собрание на двенадцать часов, и я несколько раз акцентирую внимание его помощницы на том, что на нем должны быть абсолютно все сотрудники. Включая стажеров, разумеется.

Софья громко сглатывает и обещает, что сделает все, что в ее силах. Затем снова смотрит на мою физиономию и клянется, что все точно будут, даже если ей придется самой притащить их сюда за шкуру.

Вот так-то лучше. Расслабились они тут все.

Отец сидит в своем кабинете, а я, как придурок, слоняюсь по офису, ожидая начала собрания. И главное – когда все сотрудники соизволят появиться на месте. Мышка не единственная, кто отсутствует сегодня, но, разумеется, именно ее присутствия мне не хватает больше всего.

За это время я успеваю выпить три чашки кофе и разорить бухгалтерию на все их запасы шоколада. Эти дамы, словно кондитерские баронессы, хранят в своих ящиках тонны конфет и шоколадок. Впрочем, совесть меня ни капельки не мучает, им полезно поделиться.

За десять минут до собрания ноги сами несут меня к лифту, и я совсем не удивляюсь, когда из него выходит Марьяна.

А вот чему я удивляюсь, так это ее внешнему виду. Не думал, что фотосессия в нижнем белье раскрепостит ее настолько, что она выбросит свои бесформенные балахоны. Этот сарафан, конечно, тоже далек от того, что обычно носят девушки с ее внешностью, но по сравнению с тем мешком на прошлой неделе – уже прогресс. Юбка довольно длинная, зато сверху все настолько в обlipку, что, кажется, будто мы снова перенеслись в студию, и я вижу ее голое тело, покрытое тонким слоем золота. Кажется, все будет еще проще, чем кажется. Мышка не просто идет, она бежит в мою мышеловку.

Правда, при виде меня она резко останавливается и замирает посреди дороги. Хорошо хоть из лифта успела выйти, не то бы точно пришлось спасать от участи быть зажеванной металлом.

– Ну и чего ты удивляешься? – с ухмылкой интересуюсь. – Неужели не ожидала меня здесь увидеть?

– Что с вами произошло? – с сочувствием спрашивает она, и я понимаю, что ее удивление вызвано не моей персоной, а разбитой рожей, о которой я уже успел забыть.

– Что, что? Гопников встретил, пока за тобой по всему району бегал, – с трудом сдерживая смех, поясняю.

Собираюсь добавить «шутка», но ее рука тянется к моей брови, и я застываю с открытым ртом. Она нежно проводит пальцами под бровью, и от этого мимолетного движения мне буквально сносит крышу, а пульс дуреет, напрочь заглушая

какофонию офисных звуков.

Врать нехорошо, я в курсе, но уже в следующее мгновение из моего рта непроизвольно вырывается: – Семеро на одного.

Мышка громко охает и, сделав шаг назад, начинает пристально разглядывать меня на наличие других увечий. Я же начинаю судорожно вспоминать, какие удары от друга еще пропустил. Вроде в солнышко мне неплохо прилетело, пока я его в захвате держал...

С готовностью задираю футболку и демонстрирую ей небольшой кровоподтек чуть ниже грудной клетки. Ее рука тут же взлетает вверх, и в следующее мгновение кожу прожигает прикосновение ее ладони. Она накрывает синяк, словно магией пытается заставить его исчезнуть, а я мысленно сокрушаюсь, что других увечий на мне нет.

Вот же хрень! Если б знал, какой эффект мои синяки произведут на нее, ставил бы Теме меньше блоков, а так и продемонстрировать-то нечего.

– Сильно больно было? – едва слышно спрашивает она.

– Безумно, – хриплю я, накрывая ее ладонь своей. Я честно пытаюсь восстановить самообладание, но рядом с мышкой это просто невозможно сделать. От ее взгляда, запаха и прикосновений меня безостановочно фигачит двести двадцать. словно голыми руками за фазу схватился. Поэтому, не отрывая взгляд от ее напряженного сочувствующего лица, я веду ее ладонь вниз и позволяю нащупать небольшую полосу неровной кожи у самой кромки джинсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.